

АЛЕКС СКАЙ

РАЗВОД С ДРАКОНОМ

ЗИМНИЙ САД ДЛЯ ЕГО
ПРОКЛЯТОЙ ЖЕНЫ

Алекс Скай

**Развод с драконом. Зимний
сад для его проклятой жены**

«Автор»

2026

Скай А.

Развод с драконом. Зимний сад для его проклятой жены /
А. Скай — «Автор», 2026

В день, когда Арман Рейнар решил избавиться от жены, он сделал это красиво: перед Советом Драконов, при свидетелях, с холодными словами и новой избранницей за спиной. Три года Элиана была удобной женой. Молчала, терпела, спасала честь его дома и верила, что однажды её всё-таки увидят не как бесполезное приложение к великому роду. Но вместо свободы ей досталось последнее унижение — заброшенный Зимний сад, мёртвое владение Рейнаров, где давно ничего не цветёт и куда не заходят даже слуги. Арман думал, что сад сломает её окончательно. Он ошибся. Потому что стоило Элиане переступить порог, как мёртвые розы проснулись. Сад признал в ней хозяйку. А вместе с ним проснулись древние тайны, чужие клятвы и проклятие, которое может уничтожить не только её бывшего мужа, но и весь драконий род. Теперь Арман хочет вернуть контроль. Совет хочет подчинить сад. А Элиана впервые в жизни больше не собирается быть полезной чужому дому.

© Скай А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Развод перед Советом Драконов	5
Глава 2. Дом под стеклянным небом	14
Глава 3. Изгнанный брат	27
Глава 4. Первые цветы после двадцати лет зимы	41
Г	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Алекс Скай

Развод с драконом. Зимний сад для его проклятой жены

Глава 1. Развод перед Советом Драконов

В день, когда Арман Рейнар решил избавиться от жены, над столицей шёл снег. Он падал крупными хлопьями за высокими окнами Зала Совета, ложился на чёрные крыши драконьих особняков, острые шпили дворца и широкие мраморные ступени. Утром Элиана поднималась по ним леди Рейнар. К вечеру ей предстояло спуститься уже без этого имени.

В зале было слишком тепло для зимнего дня. В каменных чашах горело синее пламя — бесшумное, ровное, неподвижное. Даже огонь здесь словно знал своё место и не смел мешать тем, кто привык решать чужие судьбы несколькими словами и ударом посоха. Элиана стояла посреди круга, выложенного серебряными плитами.

На каждой был выгравирован знак одного из великих драконьих родов: раскрытые крылья Рейнаров, коготь Вальтеров, три пламени Грассов, чешуя Миренских, башня Северинов. Её рода. Когда-то знак Северинов сиял не хуже остальных. Теперь серебро потемнело, а люди проходили по башне, почти не глядя под ноги. Элиана смотрела прямо перед собой.

За три года брака она научилась многому.

Она умела улыбаться человеку, который только что оскорбил её мужа, потому что завтра от него мог зависеть важный голос в Совете. Помнила, кто из гостей не переносит корицу, чья дочь недавно расторгла помолвку и при ком нельзя упоминать южные земли. Знала, когда Армана лучше оставить одного, а когда необходимо войти в кабинет без приглашения, поставить рядом с его рукой чашку крепкого чая и ничего не спрашивать.

И ещё она научилась не показывать, когда ей больно. Сегодня этот навык оказался полезнее всех остальных. Арман стоял напротив. Высокий, красивый, безупречно собранный. Чёрный парадный камзол подчёркивал широкие плечи, серебряное шитьё у воротника холодно поблёскивало в огне чаш. Светлые волосы были зачёсаны назад, лицо оставалось спокойным.

Он выглядел так, словно присутствовал не на собственном разводе, а на заседании по торговым пошлинам. На его руке блестел брачный перстень. Второй из пары. Три года назад Арман надел такой же на её палец перед всем двором и произнёс слова о защите, чести и доме, который отныне будет принадлежать им обоим.

Элиана тогда поверила. Не всему. Но достаточно многому. Теперь безымянный палец под перчаткой вдруг начал зудеть, будто кожа заранее знала, что скоро кольца на ней не станут.

— Совет собрался по прошению лорда Армана Рейнара, наследного главы дома Рейнаров, — произнёс верховный судья.

Старый дракон сидел выше остальных. Его кожа имела цвет потемневшего золота, а тяжёлые веки делали взгляд почти сонным. Но голос разошёлся под куполом так легко, что шёпот на галереях мгновенно стих.

— Дело касается расторжения брачного союза с леди Элианой Рейнар, урождённой Северин.

Тишины хватило на один удар сердца. Потом по рядам поползли голоса.

— Всё-таки решился.

— Давно пора.

— Три года и ни одного наследника.

— Северинская кровь слишком слаба.

— Ему нужна настоящая драконица.

Последняя фраза прозвучала ближе остальных. Элиана узнала голос. Леди Грасс. Весной та сидела в её спальне перед балом, пока Элиана собственноручно закрепляла в её волосах жемчужные шпильки. Леди Грасс тогда смеялась, называла Элиану спасительницей и жаловалась на жестокость придворных женщин.

Теперь одна из этих женщин стояла в центре зала. Элиана медленно вдохнула через нос. Не глубоко. Ровно настолько, чтобы грудь не выдавала дрожи.

Она не обернулась. Арман любил, когда противник тратил силы на бесполезные жесты. Когда оправдывался, вспыхивал, говорил лишнее. Сегодня она не собиралась доставлять ему это удовольствие.

— Лорд Рейнар, подтвердите своё прошение, — сказал судья.

Арман сделал шаг вперёд. К Совету. Не к ней. Это почему-то оказалось больше, чем шёпот за спиной.

— Подтверждаю. Мой брак с леди Элианой Рейнар исчерпал себя. Союз заключался ради укрепления отношений между родами Рейнар и Северин, однако за прошедшие годы не принёс моему дому наследника, политического преимущества или магического усиления.

Слова падали одно за другим — гладкие, чистые, заранее выверенные. Элиана смотрела на его лицо и вдруг поняла, что он репетировал. Возможно, перед зеркалом. Возможно, с советником.

Подбирал формулировки так, чтобы унижить её достаточно сильно, но не дать никому оснований обвинить его в жестокости. Арман всегда умел резать, не пачкая кровью перчаток.

— Леди Элиана исполняла обязанности хозяйки дворца? — спросил один из советников.

— В меру своих способностей.

Кто-то на галерее тихо хмыкнул. Элиана сжала пальцы внутри перчаток. В меру своих способностей. Она вставала до рассвета, если во дворце ожидали посольство. Проверяла меню, списки комнат, подарки, размещение слуг и родовые знаки на столах, чтобы случайно не посадить рядом людей, чьи прадеды убивали друг друга на северной границе.

Она помнила, кому Арман обещал встречу. Помнила, кому он забыл ответить. Помнила имена младших детей тех, чья поддержка могла понадобиться дому Рейнаров. Однажды она провела всю ночь в западном крыле рядом с заболевшей матерью его советника, потому что Арман был в отъезде, а женщина боялась умереть одна.

Утром Элиана переоделась и встречала делегацию из Варта так, словно спала восемь часов. В меру своих способностей. Она заставила пальцы разжаться.

— Леди Элиана препятствовала исполнению вами родового долга? — продолжил судья.

— Нет.

Элиана повернула голову к мужу. На мгновение ей показалось, что это всё-таки милосердие. Арман выдержал паузу.

— Она просто не смогла стать его частью.

Вот теперь зал действительно затих. Даже пламя в чашах казалось неподвижнее. Элиана почувствовала привкус железа во рту и поняла, что прикусила щёку. Вот как.

Он всё-таки решил сделать это. В мире драконьих родов бесплодным мог оказаться союз. Женщина. Кровь. Судьба. Но почти никогда — мужчина высокого рода. Особенно мужчина, способный подняться над столицей огромным золотисто-чёрным драконом.

Арман Рейнар не мог быть причиной отсутствия наследника. Так было удобнее всем.

— Леди Элиана, — верховный судья повернулся к ней, — вам предоставляется слово.

Арман наконец посмотрел прямо на неё. Элиана знала этот взгляд. Так он смотрел на переговорщика, чьи следующие три аргумента уже просчитал. Она могла спросить, почему он не сказал ей утром.

Почему за завтраком спокойно разрезал грушу тонким серебряным ножом, пока она рассказывала о письме из южного поместья. Почему позволил надеть серебристое платье, которое когда-то сам назвал достойным жены Рейнара. Почему за ней прислали родовой экипаж, если обротно в нём она уже не должна была вернуться.

Почему хотя бы один раз за три года он не счёл её достойной правды прежде, чем о ней узнал весь Совет. Но все эти вопросы принадлежали другой Элиане. Той, что ещё надеялась получить объяснение и почувствовать себя лучше. Эта хотела одного — выйти отсюда на собственных ногах.

Она сняла перчатку с правой руки. Перстень блеснул на безымянном пальце. Две переплетённые серебряные ветви удерживали маленький чёрный камень. В глубине камня мерцала красноватая искра — часть родового пламени, как объяснял Арман после свадьбы. Тогда украшение казалось ей обещанием.

Сегодня — замком.

— Я услышала прошение лорда Рейнара, — сказала Элиана.

Голос не дрогнул. Это удивило даже её.

— Вы оспариваете расторжение союза?

Она посмотрела на Армана. Едва заметно приподнятая бровь. Ожидание. Если она станет просить — он проявит великодушие.

Если обвинит — Совет сочтёт её истеричной. Если заплачет — получит жалость. Если заговорит о любви — станет смешной. Арман оставил ей несколько дорог и заранее приготовился победить на каждой.

Элиана выбрала ту, которой в его расчётах не было.

— Нет.

Верховный судья наклонился вперёд.

— Вы не оспариваете расторжение брака?

— Не оспариваю.

Арман не шелохнулся, но его взгляд стал внимательнее.

— Вы понимаете последствия? — уточнил судья.

— Да.

— Вы утратите право носить имя Рейнар.

— Оно было моим по браку. Не по крови.

В глазах старого дракона мелькнул интерес.

— Вы потеряете право проживать во дворце дома Рейнаров.

Ноготь большого пальца впился в кожу ладони. Она вспомнила свою спальню. Голубую чашку на столике у окна. Книгу, которую оставила раскрытой утром.

Шаль на спинке кресла. Дурацкую фарфоровую птицу, подаренную дочерью одного из послов и спрятанную ею за вазой, потому что Арман считал безделушки дурным вкусом. Ничего из этого больше не было её домом.

— Я уже поняла.

Судья задержал на ней взгляд, но продолжил:

— Вы также утратите содержание, назначенное супруге наследного главы рода, если лорд Рейнар не пожелает сохранить его добровольно.

Арман заговорил сам:

— Дом Рейнаров не бросает тех, кто был ему полезен.

Вот теперь Элиана повернулась к нему полностью. Боль странным образом отступила. Осталась ясность.

— К счастью, милорд, я больше не обязана быть полезной вашему дому.

Шёпот на галереях изменился. Раньше там смеялись. Теперь слушали. И тогда Элиана увидела Мирену Вальтер.

Та сидела на почётной скамье справа от Армана — высокая, золотистая, безукоризненная. Настоящая драконья кровь. Тёплое платье цвета шампанского. На горле — подвеска в форме распахнутого крыла. Мирена не пряталась. Да и зачем?

Наверняка половина зала уже знала, кто займёт место Элианы за столом Рейнаров. Возможно, сама Мирена знала это раньше неё. Посох ударил о серебряную плиту.

— Совет принимает отказ леди Элианы от оспаривания брачного расторжения. Переходим к имуществу и отступным.

Один из писарей развернул длинный лист. Бумага зашелестела. Элиана неожиданно вспомнила, что всего три дня назад выбирала ткань для штор в восточной гостиной. Её попросили решить между серо-голубым бархатом и серебряным шёлком.

Она потратила почти час. Теперь это воспоминание показалось нелепым.

— Согласно брачному договору, личные драгоценности, принадлежавшие леди Элиане до брака, возвращаются ей полностью, если они не внесены в родовую опись дома Рейнаров. Платья, личные предметы и переписка будут доставлены по месту нового проживания в течение трёх дней. Земли дома Рейнаров остаются во владении дома. Денежное содержание не назначается в связи с отсутствием наследника и отказом леди Элианы от оспаривания.

Три дня. Через три дня незнакомые руки сложат её жизнь в сундуки и отправят туда, где она теперь должна жить. Писарь перевернул лист.

— Однако лорд Арман Рейнар, проявляя милость и уважение к завершённому союзу, передаёт леди Элиане в пожизненное пользование малое северное владение, именуемое Зимним садом Рейнаров, с прилегающим домом смотрителя и внутренней оранжереей.

На этот раз смех по залу прошёл почти открыто. Элиана нахмурилась. Зимний сад. Она слышала о нём.

Когда-то под огромным стеклянным куполом выращивали редкие белые розы, серебряный виноград, южные деревья и цветы, которые распускались только в ночь зимнего солнцестояния. Потом сад закрыли. Почему — никто толком не говорил. Стёкла побились. Слуги перестали туда ходить. Земля замёрзла.

О нём вспоминали как о красивой ошибке прошлого. И ещё как о месте, где ничего живое больше не приживалось.

— Щедрый дар, — сказала Мирена.

Голос был негромким, но рассчитанным на весь ближний круг. Элиана посмотрела на неё.

— Зимний сад давно пустует, — продолжила Мирена с тонкой улыбкой. — Для леди Элианы это даже удобно. Тишина. Покой. Никаких сложных обязанностей.

Кто-то рассмеялся. Арман не остановил её. У Элианы внутри что-то оборвалось — не громко, без красивого надлома. Просто исчезла последняя причина беречь его от собственного презрения.

Она вспомнила один вечер спустя месяц после свадьбы. Арман стоял у окна библиотеки, держась рукой за деревянную раму, и впервые выглядел не наследником великого рода, а усталым мужчиной.

«Иногда я устаю от людей, которые ждут от меня безупречности», — сказал он.

Элиана подошла ближе и спросила, чем может помочь. Тогда ей казалось, что он впервые впустил её внутрь. Теперь она не была уверена, что дверь вообще когда-либо открывалась.

— Леди Элиана, — позвал судья. — Вы принимаете владение?

Арман смотрел внимательно. Слишком внимательно для человека, который только что преподнёс бывшей жене бесполезную развалину. Элиана опустила взгляд на свой перстень. Потом на башню Северинов под ногами.

За окнами снег густел.

— Принимаю.

Судья слегка приподнял брови.

— Вы уверены?

— Да.

Арман впервые сделал шаг в её сторону. Совсем небольшой. Но Элиана прожила с ним три года и заметила, как на мгновение напряглись пальцы его правой руки.

— Элиана, — сказал он тише. — Совет не требует от тебя поспешного ответа. Зимний сад не пригоден для жизни. Я могу выделить тебе дом в городе до конца сезона.

Она всмотрелась в его лицо. Вот оно. Не жалость. Тревога.

Очень маленькая. Почти спрятанная. Но настоящая. Почему? Элиана не стала искать ответ сейчас.

Запомнила.

— Благодарю, милорд. Но мне уже предложили дом.

— Ты не понимаешь, что это за место.

— Возможно.

— Там нет прислуги.

— Значит, никто не будет докладывать вам, когда я открываю окна.

На этот раз никто не засмеялся. Арман смотрел на неё так, словно впервые за долгое время увидел не удобную жену, а отдельного человека.

— Там холодно.

Элиана устала. От Совета. От взглядов. От попытки сохранять достоинство перед людьми, которым завтра будет всё равно.

И поэтому ответила без расчёта:

— Я заметила, что и в тёплых домах можно замёрзнуть.

Что-то изменилось в его лице. Совсем немного. Раньше Элиана обязательно попыталась бы понять что именно. Сегодня ей было всё равно.

Судья ударил посохом.

— Решение Совета будет внесено в родовую книгу. Брак между Арманом Рейнаром и Элианой Северин считается расторгнутым с этой минуты. Леди Элиана утрачивает титул супруги наследного главы дома Рейнаров и право на родовое покровительство. Зимний сад передаётся ей в пожизненное пользование с запретом продажи, передачи или разрушения без отдельного решения Совета.

Писарь записывал. Перо тихо царапало бумагу. Каждый росчерк превращал последние три года в законченный документ. Когда писарь отложил перо, верховный судья протянул руку.

— Перстень, леди Элиана.

Вот к этому она оказалась не готова. Элиана опустила глаза. Чёрный камень казался темнее обычного. Перстень открывал двери дворца. Родовая галерея узнавала его магию. Слуги склоняли головы перед тем, кто его носил. На праздниках его было достаточно показать стражникам, чтобы перед ней расступались.

Но дело было не в дверях и не в поклонах. Три года назад Арман надел его ей на палец и сказал:

«Мой дом станет твоим домом».

Элиана сняла кольцо. Кожа под серебром оказалась непривычно бледной. На секунду она зачем-то провела большим пальцем по полоске, оставленной металлом. Потом положила перстень в ладонь судьи.

Арман тоже снял свой. Но отдавать не спешил. Он смотрел на неё через серебряный круг. В его глазах появилось что-то, что когда-то она назвала бы сожалением.

— Ты могла избежать этого, — сказал он тихо.

Не все услышали. Элиана подняла голову.

— Развода?

— Позора.

Вот оно. Даже сейчас он был уверен, что главный позор случился с ней. Она кивнула.

— Наверное.

Арман чуть расслабился. Решил, что она наконец поняла. Элиана протянула руку к судье.

— Позвольте мне ещё раз взять перстень.

Старый дракон некоторое время смотрел на неё, затем вложил украшение в её ладонь.

Арман напрягся.

— Элиана.

Она не ответила. Спустилась на одну ступень ниже. В мрамор была врезана эмблема Рейнаров — раскрытые крылья над пламенем. В день свадьбы Элиана боялась наступить на неё, считая это дурной приметой.

Арман тогда рассмеялся и сказал:

«Теперь ты тоже часть этого пламени».

Элиана опустила руку на колено. Зал замер. Она положила кольцо на край мраморной ступени.

— Я могла бы избежать позора, — произнесла она, и теперь голос разнёсся далеко. — Если бы продолжила называть клетку домом.

Она ударила перстнем о камень. Чёрный камень треснул. Кто-то шумно вдохнул. Арман дёрнулся вперёд.

Элиана ударила второй раз. Камень раскололся. Серебряные ветви разошлись, и изнутри вырвалась тонкая белая искра. Не красная.

Не огонь Рейнаров. Холодная, почти прозрачная. Она вспыхнула между пальцами Элианы и погасла. Ветер бросил снег в высокие окна.

Элиана поднялась. Колено болело от мрамора. Острый край серебра рассёк ладонь, и в центре неё медленно выступила тонкая красная линия. Она сжала пальцы.

— Теперь решение завершено.

Судья ничего не сказал. Арман тоже. Мирена больше не улыбалась. Элиана повернулась к выходу.

Никто её не остановил. Двери Зала Совета открыли не сразу. Двое стражей переглянулись, словно внезапно забыли, какой поклон положен женщине, которая ещё минуту назад была супругой наследного главы Рейнаров. Один наконец толкнул тяжёлую створку.

Холод ударил в лицо. Элиана вдохнула — и мороз обжёг лёгкие. Столица лежала внизу белая, вечерняя, чужая. На площади загорались фонари. Кареты выстроились вдоль ступеней, кучера прятали лица в высокие воротники.

У подножия лестницы стоял чёрный экипаж с серебряными крыльями Рейнаров. Элиана машинально направилась к нему. Сделала два шага. Остановилась.

Лакей уже потянулся к дверце. Молодой. Кажется, Томас. Или Тирен. Элиана всегда помнила имена слуг.

Сегодня не смогла.

— Леди...

Юноша осёкся. Она посмотрела на серебряные крылья на дверце. Внутри наверняка лежала её меховая накидка. Та самая, которую Арман подарил прошлой зимой после того, как она дважды простудилась.

«Ты слишком легко мёрзнешь», — сказал он тогда.

Глупо, но именно это воспоминание вдруг ударило сильнее всего. Не Совет. Не Мирена. Не шёпот.

Меховая накидка в чужом теперь экипаже. Элиана провела большим пальцем по безымянному. Пусто.

— Вас проводить? — осторожно спросил лакей.

— Нет.

— Но лорд Рейнар...

— Больше не отвечает за мои дороги.

Юноша побледнел, поклонился и отступил. Элиана прошла мимо. Первые несколько минут снег казался почти приятным. Потом промокли туфли.

Тяжёлый подол серебристого платья тянулся по мостовой. Тонкая парадная накидка почти не защищала от ветра. Утром она не рассчитывала идти пешком. Утром вообще многое казалось ей постоянным. Она шла по улицам верхнего города, мимо каменных оград великих домов. Несколько прохожих узнали её.

Один мужчина остановился. Женщина рядом с ним быстро что-то прошептала. Элиана не ускорила шаг. К утру столица будет знать всё.

Арман Рейнар развёлся с бесплодной женой. Мирена Вальтер сидела рядом. Бывшая леди Рейнар разбила брачный перстень перед Советом. Ей отдали мёртвый сад.

Последнее наверняка станет самой весёлой частью истории. Элиана дошла до торговой площади. Лавки закрывались раньше из-за снегопада. Торговец фруктами натягивал полотно на прилавок. Девочка лет десяти собирала рассыпавшиеся яблоки в корзину. Одно покатилося под ноги Элиане.

Она наклонилась, подняла его и протянула ребёнку.

— Спасибо, госпожа.

Элиана открыла рот, чтобы поправить её. Как теперь правильно? Леди Северин? Госпожа Северин?

Просто Элиана? Девочка уже убежала. Элиана ещё секунду стояла с поднятой рукой, после чего спрятала её под накидку. Пальцы дрожали.

Она пошла дальше. Улицы становились уже. Фонари встречались реже. Роскошные дома сменились складами, закрытыми павильонами и длинными каменными заборами. Ветер усилился. Несколько раз Элиана едва не поскользнулась.

Однажды пришлось схватиться за стену. Она постояла так, прижав ладонь к холодному камню. Не хотелось плакать. Она вообще не была уверена, что сможет.

Но вдруг совершенно нелепо захотелось домой. В спальню с голубой чашкой. К раскрытой книге. К фарфоровой птице за вазой.

Даже к раздражающему звону часов в коридоре. Только никакого «домой» больше не существовало. Элиана закрыла глаза. Сделала вдох.

Оттолкнулась от стены. И пошла дальше. Когда впереди показался Зимний сад, она сперва решила, что ошиблась. За высокой оградой стояло огромное стеклянное строение. Когда-то оно, вероятно, казалось дворцом из света. Теперь напоминало прозрачный скелет, забытый на северной окраине города.

Купол был треснут в нескольких местах. Часть стёкол отсутствовала. Железные арки покрывала ржавчина. За пустыми рамами торчали чёрные ветви. По обе стороны ворот сидели каменные драконы.

Оба без крыльев. Над входом ещё сохранялся герб Рейнаров, но снег почти полностью залепил его. Элиана остановилась. Значит, вот её новое владение.

Три года работы, терпения и попыток стать достойной женой наследника великого рода оценили в место, где ничего не растёт. Она неожиданно усмехнулась. Звук вышел хриплым.

— По крайней мере, честно.

Никто не услышал. Она подошла к воротам и взялась за металл. Холод прожёл перчатку. Запор оказался старым, но не закрытым. Створка сначала не поддавалась. Элиана упёрлась плечом.

Ничего. Попробовала снова.

— Ну же.

Ворота жалобно скрипнули. Щель стала достаточно широкой. Элиана протиснулась внутрь. И сразу почувствовала разницу.

За оградой было тише. Снег падал через трещины купола, ложился на каменные дорожки, пустые клумбы и чашу замёрзшего фонтана. Воздух пахнул влажной землёй. Не мёртвой.

Просто очень холодной. Элиана сделала несколько шагов. По обе стороны тянулись ряды розовых кустов. Чёрные стебли переплелись между собой. Шипы торчали из них так густо, что кусты напоминали проволоку.

Наверное, когда-то здесь было красиво. Сейчас — только снег, стекло и тёмные ветви. Элиана подошла к ближайшему кусту.

— Ну здравствуй.

Её голос ушёл под высокий купол. Глупо. Бывшая жена дракона разговаривает с мёртвой розой, потому что после сегодняшнего общества цветов кажется достойным собеседником. Уголок её рта дрогнул.

Она протянула руку. Сухой шип вошёл в кожу прежде, чем Элиана успела отдернуть пальцы.

— Ай.

Крошечная капля крови появилась на указательном пальце. Элиана нахмурилась. Сегодня она уже достаточно истекала кровью символически. Настоящая показалась почти оскорбительной. Капля сорвалась.

Упала на чёрный стебель. И сад вдохнул. Элиана замерла. Под подошвами прошла едва заметная дрожь.

Она не была похожа на шаг или движение тяжёлой повозки с улицы. Что-то шевельнулось глубоко в земле. Лёд на краю клумбы треснул. Одна тонкая линия.

Вторая. Снег у сапог осел. Элиана резко отступила. Чёрный куст перед ней дрогнул.

Одна из ветвей медленно приподнялась.

Нет.

Этого не могло быть. Она устала. Замёрзла. Почти не ела. Последние часы вполне могли заставить разум увидеть что угодно. Элиана моргнула. На сухом стебле появилась почка.

Маленькая. Светлая. Она увеличивалась прямо на глазах. Чешуйки разошлись.

Показался первый лепесток. Белый. Потом второй. Третий.

Роза раскрывалась медленно, словно после двадцатилетнего сна ещё не до конца верила, что пришло время просыпаться. Края лепестков отливали серебром. Изнутри исходило слабое холодное сияние. Элиана перестала чувствовать мокрые туфли.

Холод. Порез на ладони. Совет. Армана.

Она только смотрела.

— Как?..

За спиной с грохотом закрылись ворота. Элиана резко обернулась. Створки сомкнулись сами. Она услышала металлический удар запора.

И почти одновременно в глубине оранжереи что-то зашуршало. Сначала один куст. Потом второй. Десятки сухих ветвей дрогнули под снегом.

Шорох побежал вдоль клумб всё дальше, поднимался к железным аркам, уходил во тьму за замёрзшим фонтаном. Элиана медленно повернулась обратно к белой розе. Цветок светился у её руки. На одном лепестке алела крошечная капля её крови.

И впервые за весь день Элиана почувствовала не унижение. Не страх. Любопытство. Острое, почти болезненное.

Сад, над которым смеялись люди, способные превращаться в драконов, только что сделал то, чего не смог сделать ни один из них. Он увидел её. По-настоящему. Где-то далеко под промёрзшей землёй снова прошла глубокая дрожь.

На соседнем кусте лопнула ещё одна почка. Элиана смотрела, как из мёртвой древесины появляется тонкий серебряный лепесток. Развод должен был стать концом её жизни. Вместо этого он привёл её к двери.

И что-то по другую сторону уже просыпалось.

Глава 2. Дом под стеклянным небом

Роза не должна была цвести. Элиана знала это так же ясно, как знала холод мокрого платья на ногах, ломоту в пальцах и пустоту на месте брачного перстня. Всё вокруг говорило о смерти. Чёрные ветви. Заледеневшие дорожки. Разбитые стёкла высоко над головой. Почерневшие кадки вдоль стен. Фонтан посреди центральной галереи, в котором вода превратилась в мутный тяжёлый лёд.

Здесь не было ни тепла, ни садовников, ни магов, которые могли бы заставить мёртвую древесину вспомнить весну. И всё же роза раскрылась у её ладони. Белая. По краям лепестков проходила тонкая серебряная кайма. Цветок был слишком хрупким для зимы и слишком живым для куста, который ещё минуту назад казался высохшим окончательно.

Элиана не сразу отняла руку. Капля крови исчезла со стебля. Не стекла вниз, не застыла красной точкой. Исчезла.

Она приблизила палец к глазам. Царапина от шипа оставалась, тонкая и неглубокая. На коже выступила новая капля, но теперь Элиана быстро вытерла её краем перчатки.

— Одного раза достаточно, — пробормотала она.

Роза шевельнула лепестками. Элиана застыла. Под куполом не было ветра. По крайней мере, такого, который мог бы коснуться цветка.

За спиной стояли закрытые ворота. Она медленно обернулась. Тяжёлые железные створки, через которые ей пришлось протискиваться плечом, теперь плотно сомкнулись. Старый металл казался совершенно неподвижным. С внутренней стороны у самой земли снег уже начал подтаивать, оставляя на камнях тёмную мокрую полосу. Элиана подошла ближе.

Потянула створку. Ничего. Взялась обеими руками, упёрлась каблуками в камень и дёрнула сильнее. Ворота даже не скрипнули.

— Прекрасно.

Слово упало в тишину сада. Элиана прислонилась лбом к холодному металлу. Утром она была женой одного из самых влиятельных драконов столицы. К вечеру оказалась заперта в мёртвой оранжерее, где розы расцветали от её крови. Если рассказать это кому-нибудь завтра, пожалуй, самым разумным объяснением будет безумие.

Она оттолкнулась от ворот. Паника не поможет. Этот навык Арман всё-таки оставил ей полезным. Когда что-то рушилось во дворце — поставка вина перед приёмом, договорённость с посольством, внезапная болезнь важного гостя — Элиана никогда не начинала с обвинений.

Сначала факты. Она посмотрела на розу. Сад считался мёртвым. Цветок распустился после прикосновения её крови.

Ворота закрылись сами. И Арман не хотел, чтобы она сюда приходила. Последнее беспокоило сильнее всего. Если Зимний сад был всего лишь издевательским подарком бывшей жене, зачем Арман пытался отговорить её перед Советом?

Он предложил городской дом. Предупредил о холоде. О прислуге. Сказал: «Ты не понимаешь, что это за место».

Тогда она услышала в этом очередную попытку управлять. Теперь фраза звучала иначе. Элиана посмотрела в глубину оранжереи. Центральная дорожка уходила к большому круглому фонтану. За ним галерея разделялась на три направления.

Слева — низкая пристройка под покосившимися стеклянными рамами. Справа — каменная стена с тёмной деревянной дверью. Прямо — череда высоких арок, густо оплетённых мёртвыми лозами. Там было темнее.

Элиана решила пока туда не идти. В решении Совета упоминался дом смотрителя. Если он действительно существовал, в нём могла оказаться печь. Сейчас это было важнее драконьих тайн. Она собрала тяжёлый мокрый подол в одну руку и пошла к фонтану.

Туфли скользили. Через несколько шагов каблук попал на тонкий лёд. Элиана едва удержалась, ухватившись за металлическую опору.

— Очень достойно, — сказала она сама себе. — Особенно после Совета.

Собственный голос неожиданно помог. Пока она слышала себя, сад казался чуть менее огромным. Фонтан оказался шире, чем представлялось от входа. В центре чаши стояла каменная женщина.

Элиана остановилась. Это не была привычная дворцовая статуя богини победы или драконьей прародительницы. У женщины не было короны. За спиной не раскрывались крылья.

В руках она держала ветвь с каменными цветами. Лицо было спокойным, глаза закрыты. Снег лежал на волосах и плечах, словно белая вуаль. У основания статуи темнели буквы. Элиана наклонилась, провела перчаткой по камню.

Под снегом появилась надпись: **НЕ ВЛАДЕЙ. УСЛЫШЬ.** Она перечитала дважды.

— Кто же построил тебя?

В доме Рейнаров любили другие слова. Арман однажды показывал ей родовую галерею. Под портретом первого Рейнара было высечено:

«Что взял огонь, то принадлежит огню».

Эта фраза ему нравилась. Он даже улыбнулся, произнося её. Элиана тогда решила, что речь идёт о силе. Теперь впервые подумала, что, возможно, речь всегда шла о собственности.

Она провела пальцами по высеченным буквам. **Не владей. Услышь.**

— Хорошо, — тихо сказала Элиана. — Я слушаю.

По фонтану прошёл треск. Она резко выпрямилась. На поверхности льда появилась тонкая линия. Потом ещё одна.

Под мутной коркой что-то блеснуло. Элиана осторожно приблизилась. В чаше будто не было обычной воды. Подо льдом лежала тёмная глубина, а в ней медленно двигались серебряные точки — маленькие, далёкие, как отражения звёзд. Она наклонилась ближе.

Точки переместились вслед за ней. Элиана замерла. В правой части сада что-то упало. Стук был настолько обычным, что от него стало страшнее.

Дерево. Или ведро. Что-то человеческое. Элиана повернулась к двери в каменной стене.

Теперь она заметила, что снег перед ней лежит неровно. Не следы. Скорее участок, куда почти не долетали хлопья из-за выступа крыши. За дверью мог быть дом смотрителя.

И мог быть кто-то ещё. Элиана огляделась в поисках хоть чего-нибудь, что можно было использовать как оружие. У стены валялась сломанная лопата. Она подняла деревянный черенок.

Тяжёлым он не был. Опасным тоже. Но пустая ладонь нравилась ей ещё меньше.

— Есть здесь кто-нибудь?

Ответа не последовало. Элиана ждала. Несколько секунд. Потом ещё.

Белая роза далеко за спиной слабо светила в полумраке. Если бы сад оставался совершенно мёртвым, всё было бы проще. Мёртвые места не задают вопросов. Не закрывают ворота.

Не цветут от крови. Элиана подошла к двери. На ней висело тяжёлое железное кольцо. Она взялась за него и потянула.

Дверь неожиданно легко открылась внутрь. За ней оказался короткий каменный коридор. Здесь пахло пылью, деревом, сухими травами и чем-то ещё. Дымом.

Элиана замерла. Дым означал огонь. А огонь — человека. На полках вдоль стен стояли глиняные горшки, мотки бечёвки, ржавые ножницы, деревянные таблички с выцветшими надписями. На полу лежало опрокинутое ведро.

Вот что упало. В дальнем конце коридора виднелась ещё одна дверь. Приоткрытая. Из щели пробивался тусклый оранжевый свет.

Элиана крепче сжала черенок.

— Я знаю, что вы там.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом из-за двери донёлся мужской голос:
— А я знаю, что вы замёрзли.

Голос был старым. Сухим. И совершенно спокойным. Элиана нахмурилась.

— Выйдите.

— Зачем?

— Чтобы я могла вас видеть.

— В моём возрасте, госпожа, я выхожу только туда, где теплее, чем внутри.

Элиана моргнула. Она ожидала чего угодно. Только не этого.

— Я вооружена.

За дверью что-то стукнуло.

— Если это вы взяли черенок от моей старой лопаты, то вооружены вы плохо.

Элиана посмотрела на палку в руке.

— Она ваша?

— Была моей, пока вы её не украли.

Это уже начинало раздражать. И странным образом раздражение оказалось приятнее страха. Элиана толкнула дверь плечом. За ней была небольшая кухня.

Настоящая. Низкий потолок, закопчённые камни очага, грубый деревянный стол, две лавки и узкое окно, за которым темнели ветви сада. В очаге тлели угли. Над ними висел котелок.

У стола стоял старик. Высокий даже сейчас, когда возраст уже согнул его плечи. Худой. Седые волосы были собраны на затылке кожаным шнуром. Лицо всё в глубоких морщинах, руки крупные, узловатые. Он держал полотенце. Старик посмотрел сначала на Элиану.

Потом на черенок.

— Лопатой я дорожил больше.

— Кто вы?

— Оррис.

— Этого недостаточно.

— Для первого знакомства обычно хватает.

Элиана не опустила черенок. Старик вздохнул.

— Оррис Тавен. Смотритель.

Она посмотрела на очаг. На котелок. На лежащий на столе хлеб. На связку ключей.

— Мне сказали, что в саду нет прислуги.

— Нет.

— А вы?

— Я не прислуга.

— Тогда кто?

Оррис бросил полотенце на спинку стула.

— Человек, который слишком давно живёт здесь, чтобы кому-то объяснять разницу.

Элиана несколько секунд смотрела на него.

— Вы служите Рейнарам?

Лицо старика изменилось так, словно она предложила ему съесть что-нибудь испорченное.

— Нет.

— Они вам платят?

— Уже лет пятнадцать никто не пытался.

— И вы всё равно остались?

— Как видите.

Он снова оглядел её с ног до головы. На этот раз взгляд задержался на мокром подоле.

— Если мы закончили выяснять, кто из нас опаснее, положите палку. Вы заливаете мой пол снегом.

Элиана посмотрела вниз. Под платьем действительно образовалась небольшая лужа.

— Ваш пол?

— Пока вы не начали распоряжаться им — мой.

Она почти улыбнулась. Почти. Черенок всё-таки поставила у стены.

— Дом Рейнаров передал мне Зимний сад.

— Слышал.

— От кого?

Оррис указал подбородком куда-то в сторону оранжереи.

— От сада.

Улыбка исчезла.

— Сад с вами разговаривает?

— Не словами.

— Очень удобно.

— Иногда.

Старик снял с крюка грубую шерстяную накидку.

— Наденьте.

— Я не...

— Можете отказаться. Тогда минут через двадцать будете стучать зубами так громко, что я всё равно не услышу ваши вопросы.

Элиана посмотрела на накидку. Ткань была старая. Коричневая. Совершенно неподходящая к серебристому платью, в котором она утром ехала на Совет. И, вероятно, самая прекрасная вещь, которую ей сегодня предлагали. Она взяла её.

— Спасибо.

— Вот теперь я действительно испугался.

— Почему?

— Бывшие леди великих домов редко благодарят старых зрителей за шерстяные тряпки.

Элиана накинула ткань на плечи. Она пахла дымом, деревом и чем-то травяным. Тепло пришло не сразу. Сначала стало больно.

Промёрзшие плечи закололо, пальцы задрожали сильнее. Элиана спрятала руки под накидку. Оррис заметил. Ничего не сказал.

Просто придвинул ближе к очагу табурет. Это молчание она оценила больше, чем если бы он начал жалеть.

— Садитесь.

Элиана подняла бровь.

— Вы только что сказали, что не исполняете приказы.

— Я сказал, что не исполняю чужие. Свои отдаю прекрасно.

Она всё-таки села. И сразу поняла, насколько устала. Колени начали ныть. Мокрая ткань платья тяжело облегла ноги. Спина отозвалась тупой болью, стоило перестать держать её идеально прямо.

Оррис налил что-то из котелка в деревянную кружку и поставил перед ней. Элиана понюхала.

— Это что?

— Сегодня вода.

— А в другие дни?

— Иногда вода с мятой.

— Щедро.

— У нас тут не дворец.

Он отрезал кусок хлеба и положил рядом. Элиана машинально ждала. Оррис сел напротив и начал есть свой. Через несколько секунд заметил её неподвижность.

— Что?

— Ничего.

Элиана взяла хлеб. Только когда поднесла его ко рту, поняла, чего ждала. Во дворце за столом первым начинал Арман. Даже если опаздывал.

Даже если она была голодна. Мелочь. Глупая привычка. Элиана откусила хлеб.

Жёсткий. Чуть кислый. Лучшего она давно не ела. После второго кусочка горло неожиданно сжалось.

Элиана остановилась. Вот этого она не ожидала. Не от Армана. Не от Совета.

От хлеба. Простой кусок тёмного хлеба едва не заставил её расплакаться. Она опустила глаза в кружку. Пар касался лица.

Оррис поднялся и начал перебирать что-то на дальней полке. Слишком демонстративно. Он заметил. И сделал вид, что нет.

Элиана медленно выдохнула. Когда снова заговорила, голос почти не изменился.

— Роза расцвела.

Руки Орриса остановились. Всего на мгновение. Потом он продолжил переставлять банки.

— Какая?

— Белая.

Теперь старик обернулся.

— Край лепестка?

— Серебряный.

Тишина стала плотнее.

— И что это означает?

Оррис вернулся к столу. Сел.

— Что вы вошли.

— Я и сама заметила.

— Не через ворота.

Элиана подождала. Он не продолжил.

— У вас есть неприятная привычка останавливаться перед самой полезной частью ответа.

— Старая профессиональная болезнь.

— Смотрителя?

— Человека, который слишком долго пытался объяснять господам вещи, которые они не хотели слышать.

Элиана подалась чуть ближе.

— Арман знал?

— Что именно?

— Что сад может ожить.

Оррис потёр ладонью подбородок.

— Знал, что когда-то жил.

— Это не одно и то же.

— Именно поэтому я так ответил.

Элиана почувствовала укол раздражения.

— Сегодня мне уже достаточно людей, которые выбирали формулировки вместо правды. Старик посмотрел прямо на неё. На этот раз без насмешки.

— Хорошо.

Он отодвинул кружку.

— Сад старше дома Рейнаров. Гораздо старше. Они получили землю, поставили герб на воротах и со временем решили, что этого достаточно, чтобы всё внутри тоже стало их собственностью.

— А это не так?

Оррис пожал плечами.

— Если поставить своё имя на кошке, она ведь не начнёт приходить по приказу.

Элиана неожиданно фыркнула. Не успела остановиться. Старик посмотрел на неё.

— Вот. Уже лучше.

— Что?

— Вы умеете издавать звуки, кроме придворных.

— Не привыкайте.

— Поздно.

Он допил воду. Напряжение в плечах немного ослабло.

— На фонтане написано: «Не владей. Услышь».

Оррис кивнул.

— Хорошая надпись.

— Вы знаете, кто её оставил?

— Знаю.

Элиана ждала.

— И?

— И сегодня не расскажу.

Она закрыла глаза.

— Оррис.

— Не потому, что хочу вас мучить.

— Очень убедительно.

— Потому что у вас губы синие, платье мокрое, вы почти сутки ничего нормально не ели, а сейчас собираетесь задавать вопросы до рассвета.

— Это моё дело.

— Верно.

Он поднялся.

— Поэтому можете задавать их до рассвета. Только сначала переоденьтесь.

Элиана опустила взгляд на платье. Он был прав. И это раздражало.

— Во что?

Оррис подошёл к старому шкафу у стены и открыл дверцу. Внутри висели две простые рубашки, шерстяная юбка и тёмное платье явно не по его размеру. Элиана приподняла бровь.

— Ваше?

— Вы очень устали, если спрашиваете.

— Чьё?

Оррис снял платье.

— Оставалось здесь много лет. Думаю, вам подойдёт лучше, чем воспаление лёгких.

Ткань была простой, тёмно-зелёной, чуть выцветшей. Элиана провела пальцами по рукаву.

— Кому оно принадлежало?

Старик помолчал.

— Женщине, которая тоже однажды пришла сюда без вещей.

— Первой хозяйке?

В уголке его рта что-то дрогнуло.

— Вы быстро учитесь.

— Как её звали?

— Завтра.

— Почему завтра?

— Потому что сейчас вы начнёте спрашивать, что с ней случилось. Потом — почему сад умер. Потом — какое отношение ко всему этому имеют Рейнары. В итоге уснёте лицом в стол, а мне придётся вас тащить наверх.

— Вы уверены, что сможете?

Оррис оглядел её.

— Нет. Поэтому и не рискую.

На этот раз Элиана действительно улыбнулась. Очень коротко. Но мышцы лица будто вспомнили незнакомое движение. Она взяла платье.

— Где можно переодеться?

— Наверху.

Оррис снял со стены связку ключей. Их было много. Крупные железные, маленькие медные, один длинный с резной головкой, несколько почти чёрных от времени. Он перебирал их, пока не нашёл простой медный ключ.

Положил на стол.

— От дома.

Её внимание вернулось к нему. Ключ был некрасивым. Без герба. Без камней.

Без магии, которую можно было почувствовать через металл. Она взяла его. Он лёг в ладонь неожиданно тяжело. Во дворце Рейнаров у Элианы почти не было ключей.

Не потому, что двери оставались открытыми. Наоборот. Их было слишком много. Кабинет Армана.

Западная библиотека. Хранилище родовых документов. Комнаты с древними артефактами. Даже кладовая с дорогим бельём запиралась, хотя Элиана распоряжалась всем хозяйством дворца.

«Не утруждайтесь, миледи».

Всегда находился кто-нибудь, кто откроет дверь. И кто-нибудь, кто потом её закроет. Теперь на ладони лежал ключ от полуразвалившегося дома в мёртвом саду. И почему-то впервые за весь день Элиане стало легче дышать.

— Если он от дома, почему вы отдаёте его мне?

Оррис посмотрел на неё почти с удивлением.

— Потому что дом теперь ваш.

Так просто. Без Совета. Без печатей. Без длинной формулировки о пожизненном пользовании.

Дом теперь ваш. Элиана сжала ключ.

— Покажете?

— Если вы переоденетесь.

— Вы упрямый.

— Я старый. Мы можем себе позволить.

Дом смотрителя примыкал к каменной стене сада и почти терялся среди пристроек. Наверх вела узкая лестница. Ступени скрипели так громко, что Элиана несколько раз ожидала провалиться.

— Они выдержат? — спросила она.

— Меня выдерживают.

— Это не ответ.

— Вы заметно легче.

Наверху находилась маленькая спальня. Кровать. Сундук. Треснувшее зеркало.

Круглое окно. Небольшая железная печь. На полу лежал выцветший ковёр. Комната была бедной.

Тесной. И почему-то не выглядела заброшенной. Элиана провела пальцем по спинке кровати. Пыли почти не было.

— Вы здесь убираете?

Оррис остановился у двери.

— Иногда.

— Для кого?

— Не для себя. Я сплю внизу.

Она посмотрела на кровать. Постель была старая, но аккуратно застеленная.

— Вы кого-то ждали?

Оррис пожал плечами.

— Сад иногда заставляет готовиться раньше, чем объясняет зачем.

На подоконнике стояла деревянная миска с белыми сухими лепестками. Элиана подошла ближе.

— Розы?

— Не трогайте.

Она немедленно убрала руку.

— Почему?

— Потому что не знаю, что произойдёт.

Элиана повернулась к нему.

— Наконец-то честный ответ.

— Запишите дату.

Через несколько минут Оррис ушёл вниз. Элиана осталась одна. Переодеваться оказалось сложнее, чем она ожидала. Мокрое платье прилипло к коже. Пальцы плохо слушались. Один крючок на спине никак не расстёгивался.

Во дворце достаточно было позвонить. Горничная пришла бы через минуту. Элиана подняла руку по привычке. Замерла.

На стене не было шнура колокольчика. Она опустила руку. И вдруг рассмеялась. Тихо.

Без всякой радости.

— Привыкай.

Пришлось справляться самой. Когда серебристое платье наконец упало на пол тяжёлой мокрой грудой, Элиана посмотрела на него сверху. Ещё утром оно казалось прекрасным. Сейчас — просто тканью.

Она надела зелёное платье. Оно оказалось немного широким в груди и коротким в рукавах. Зато сухим. Элиана растёрла руки.

Пальцы болели, возвращаясь к жизни. Она посмотрела на себя в треснувшее зеркало. Без драгоценностей. Без парадной причёски — несколько прядей уже выбились и прилипли к вискам.

Без серебристого платья. На безымянном пальце — бледная полоска. Элиана коснулась её. Палец будто всё ещё помнил металл.

Она быстро убрала руку.

— Хватит.

Отражение ничего не ответило. Когда Элиана спустилась, Оррис уже разжёл огонь сильнее. Он посмотрел на платье.

— Коротковато.

— Благодарю.

— Я о рукавах.

— От этого лучше.

— Я стараюсь.

Он взял фонарь.

— Хотите посмотреть дом или всё-таки выберете разум и ляжете спать?

— Дом.

Оррис вздохнул так, словно именно этого и ожидал.

— Разумеется.

Они прошли через маленькую кладовую, заднюю комнату с инструментами и вышли во внутренний двор. Снег здесь почти не падал: над стенами сходились старые стеклянные панели. В центре стоял колодец. Рядом росла огромная груша.

Совершенно чёрная. Её ствол был искривлён, кора местами отслаивалась. Ветви тянулись к стеклу, словно пальцы. Элиана подошла к колодцу. Верёвка на ворота качнулась.

Она остановилась.

— Вы её трогали?

— Нет.

— Ветра нет.

— Здесь — почти нет.

Элиана повернулась к старику. Он поднял фонарь.

— Не смотрите на меня. Я тоже не люблю, когда вещи двигаются без причины.

Это было настолько обычное человеческое недовольство, что ей сразу стало легче.

— А мне казалось, вы считаете это нормальным.

— Я привык. Это хуже.

Элиана заглянула в колодец. Слишком темно.

— Вода хорошая?

— Хорошая. Зимой приходится разбивать лёд.

— Дров надолго хватит?

— Если не топить весь сад — дней на пять.

— А потом?

— Купим.

— На что?

Оррис помолчал.

— Вот это уже правильный вопрос.

Элиана выпрямилась. До этой минуты деньги почему-то не приходили ей в голову. У неё оставались личные драгоценности. Несколько вещей из приданого.

Что-то можно продать. Но содержание от дома Рейнаров ей не назначили. Сад требовал ремонта. Дом — дров.

Ей понадобится еда. Возможно, рабочие. Стёкла. Инструменты.

Элиана провела языком по сухим губам.

— Завтра посчитаем.

Оррис кивнул. Никакого «не беспокойтесь». Никакого «как-нибудь справимся». Просто:

— Посчитаем.

Элиане это понравилось. Они вернулись в центральную галерею. Белая роза светила ярче. Элиана остановилась.

Снег вокруг куста растаял почти на полшага. На чёрных ветвях блестели капли воды.

— Она стала больше?

Оррис подошёл рядом.

— Цветок — нет.

— Тогда что изменилось?

— Посмотрите дальше.

Элиана подняла фонарь. Сначала увидела только снег. Потом — маленькую серебристую точку на соседнем кусте. Почку.

Ещё одну. Третью. Они появились на ветвях, которые час назад выглядели совершенно мёртвыми. Элиана медленно повернулась.

На другом краю клумбы тоже блеснуло серебро.

— Сколько?

— Пока мало.

— Но утром их не было?

Оррис усмехнулся.

— Утром здесь двадцать лет ничего не было.

Элиана подошла к первой розе. Не касаясь, присела рядом. Цветок казался настоящим.

Тонкие прожилки на лепестках.

Влага у основания. Маленький изгиб стебля под тяжестью бутона. Всё настоящее.

— Почему я?

Оррис молчал достаточно долго, чтобы Элиана задержала на нём взгляд.

— Я не знаю всей причины.

Хорошо.

Ещё один честный ответ.

— Но кое-что знаете.

— Знаю, что раньше сюда приходили Рейнары.

— И?

— Сад молчал.

Элиана посмотрела на серебряные почки.

— А со мной заговорил.

— Похоже на то.

— Из-за крови Северинов?

Оррис почесал висок.

— Может быть.

— Вы ведь специально отвечаете хуже, когда вопрос становится важнее?

— Это помогает дожить до старости.

Элиана встала.

— Арман передал мне сад.

— На бумаге.

— Если он знал, что Рейнары не могут его пробудить, зачем вообще отдавать?

Оррис посмотрел на неё внимательнее.

— Вот этот вопрос пока не задавайте никому, кроме меня.

— Почему?

— Потому что если ваш бывший муж боялся, что сад вас примет, то вряд ли он один понимал, что это возможно.

Элиана почувствовала холод под рёбрами. В кухне было проще. Там были дрова, хлеб и деньги, которых не хватит. С такими проблемами можно было работать.

Эта была другой.

— Вы думаете, за мной наблюдают?

— Думаю, в столице слишком много людей, которые не умеют оставить чужую силу в покое.

— Особенно драконов?

— Особенно людей.

Он сказал это сухо. Элиана ещё раз посмотрела на розу.

— Вы назвали меня хозяйкой.

— Потому что сад вас впустил.

— Этого достаточно?

Оррис пожал плечами.

— Мне — да.

— Совету нет.

— Совет носит мантии. Ему всегда нужно больше.

Она улыбнулась уголком губ. Потом задумалась.

— Но я пришла сюда по решению Рейнаров.

— Пришли.

— Значит, они всё-таки открыли мне дверь.

— Нет.

Оррис поднял фонарь и указал на ворота.

— Они дали вам бумагу. Ворота открылись сами.

Элиана вспомнила, как толкала тяжёлую створку плечом. Сначала ей показалось, что металл поддался от усилия. Теперь она уже не была в этом уверена.

— Почему раньше сад никого не принял?

— Принимал.

— Кого?

Оррис отвернулся к розам.

— Очень давно.

— Первую хозяйку?

— И нескольких после неё.

— Северинов?

Старик посмотрел на неё. Этого оказалось достаточно. Медный ключ в кармане вдруг стал тяжелее.

— Значит, мой род связан с этим местом.

— Да.

— Арман знал?

— Не всё.

— Сколько?

Оррис вздохнул.

— Элиана.

Она вздрогнула. Он впервые назвал её по имени. Без «госпожа». Без «леди».

Просто Элиана.

— Сегодня вы уже потеряли достаточно одной жизни. Оставьте немного тайн на завтра.

— Очень заботливо.

— Нет. Практично. Вы еле стоите.

Она хотела возразить. И в этот момент колени действительно ослабли. Совсем чуть-чуть.

Но Оррис заметил.

Естественно.

— Я не устала.

— Конечно.

— Не говорите со мной таким тоном.

— Каким?

— Как со старой упрямой женщиной.

— Я говорю с вами как со старой упрямой женщиной?

Элиана прищурилась. Оррис невозмутимо поднял фонарь.

— Отлично. Значит, силы спорить ещё есть. Это хороший признак.

Она покачала головой. И неожиданно поймала себя на ещё одной улыбке. Сегодня это уже второй раз. Станный сад.

Они пошли обратно к дому. Не успели пройти и половины галереи. Ворота загрохотали. Элиана остановилась.

На этот раз звук был совсем другим. Кто-то ударил снаружи тяжёлым металлическим кольцом. Раз. Пауза.

Ещё раз. Оррис мгновенно погасил часть света в фонаре, прикрыв заслонку. Его лицо изменилось. Вся бытовая сухость исчезла.

— В дом.

— Кто это?

— Пока не знаю.

Снаружи ударили снова. Элиана не двинулась.

— Если это Арман...

— Не он.

— Откуда вы знаете?

Оррис уже смотрел вверх, на купол.

— Арман не стучит так.

Элиана услышала шаги за воротами. Тяжёлые. Один человек. По крайней мере, один.

Затем раздался мужской голос:

— Откройте.

Он был низким. Хрипловатым. И слишком спокойным для человека, которого не впускают. Элиана повернулась к Оррису.

— Вы его знаете.

Старик не ответил. За воротами снова заговорили:

— Я знаю, что сад впустил её.

Пальцы сами сжались на медном ключе в кармане.

— И знаю, — продолжил незнакомец, — что Рейнар уже пожалел об этом.

Оррис тихо выругался. Первый раз за весь вечер. Элиана повернулась к нему.

— Кто?

— Человек, которого вам сегодня лучше было бы не встречать.

— Это не ответ.

— Другого у меня сейчас нет.

Он взял её за локоть. Не грубо. Но твёрдо.

— Отойдите от ворот.

Элиана посмотрела на его руку. Оррис сразу отпустил.

— Простите.

И это короткое движение вдруг сказала о нём больше, чем половина загадочных фраз за вечер. Снаружи что-то тяжело скользнуло по камню. Белая роза закрыла лепестки. Элиана увидела это.

— Оррис.

Старик тоже. Сухие ветви вокруг них начали двигаться. Тихий шелест прокатился вдоль галереи. Снег посыпался с лоз.

Стёкла над головой задрожали. Незнакомец за воротами больше не стучал. Элиана подняла глаза. Сначала показалось, что над куполом прошло облако.

Тень легла на снег. На фонтан. На мёртвые деревья. На лицо Орриса.

Но облако не могло двигаться против ветра. И не могло расправить крылья. Элиана замерла. Огромный силуэт скользнул над стеклянным куполом.

Один взмах. Второй. Снег закрутился за прозрачными панелями. Что-то тяжёлое опустилось на каменную ограду снаружи.

По стеклу пробежала дрожь. Элиана медленно подняла голову выше. Над садом расправлял крылья дракон. Тёмный.

Огромный. На краях крыльев холодно блестело серебро. Элиана видела драконов сотни раз. На праздниках.

На военных смотрах. Над дворцом Рейнаров. Она знала силуэт Армана в небе так же хорошо, как когда-то знала звук его шагов в коридоре. Это был не он.

Рядом Оррис выдохнул одно слово. Очень тихо.

— Каэль.

— Кто такой Каэль?

Старик не сводил глаз с дракона над куполом.

— Брат вашего бывшего мужа.

У Элианы перехватило дыхание. Она три года была женой Армана Рейнара. И никогда не слышала, чтобы у него был брат. Дракон за стеклом опустил голову.

Даже через снег Элиана почувствовала его взгляд. Ворота сада дрогнули. Но не открылись. И впервые за этот вечер Оррис выглядел по-настоящему встревоженным.

— Что мне делать? — спросила Элиана.

Старик покосился на белую розу. Она медленно раскрывалась снова.

— Похоже, решать будет не нам.

Глава 3. Изгнанный брат

Дракон над стеклянным куполом не нападал. От этого становилось только тревожнее. Он держался в снегопаде почти неподвижно, лишь изредка меняя угол огромных крыльев. Тёмное тело закрывало часть ночного неба. По матовой чешуе пробежал холодный серебряный отблеск, на длинной шее белели старые рубцы. Один из рогов был сломан у самого конца.

Элиана подняла голову выше. Она видела драконов сотни раз. На праздниках. Во время военных смотров.

Над дворцом Рейнаров. В день свадьбы Арман поднялся над столицей золотисто-чёрным драконом, и люди на площадях зажгли тысячи фонарей. Элиана тогда смотрела в небо с таким восторгом, что потом весь вечер болела шея. Ей казалось: существо, способное стать настолько огромным, не может быть мелочным. Как много глупостей человек понимает только спустя годы.

Дракон над садом не был похож на Армана. В нём не было парадной красоты. Слишком много шрамов. Слишком тёмная чешуя. Слишком осторожные движения. Он выглядел не созданным для восхищения, а пережившим места, где восхищение никого не спасало.

— Каэль, — повторила Элиана.

Оррис не ответил.

— Вы сказали, что он брат Армана.

— Сказал.

— У Армана нет брата.

Снаружи, за воротами, тихо усмехнулись. Элиана замерла. Человеческий голос.

— Теперь у него и жены нет, — произнёс незнакомец. — Дом Рейнаров быстро избавляется от неудобных родственников.

Оррис прикрыл глаза.

— Я говорил, что ночь неудачная для правильных вопросов.

— По-моему, для них наконец наступило прекрасное время.

Элиана снова посмотрела вверх. Драконья тень уже уходила от купола, но ощущение чужой силы оставалось — не тяжестью, как рядом с Арманом, а напряжением перед грозой. Имя Каэль она слышала. Очень давно.

И всего несколько раз. В западной галерее дворца когда-то висел портрет молодого мужчины. Он стоял у каменной стены, одной рукой опираясь на рукоять меча, и был настолько похож на Армана, что Элиана однажды остановилась. Сходство заканчивалось на глазах. У человека на портрете они смеялись.

Не улыбались вежливо. Смеялись.

— Кто это? — спросила тогда Элиана.

Горничная побледнела и сделала вид, что не слышала. Позже она спросила Армана. Портрет сняли до вечера. На следующий день на его месте висела карта северной границы.

«В моём доме не держат лица тех, кто выбрал бесчестье», — сказал муж.

Больше Элиана не спрашивала. Но однажды услышала шёпот слуг. Младший брат. Клят-вопреступник.

Изгнанник. Предатель рода. Теперь предатель стоял за воротами её нового дома.

— Зачем вы пришли? — спросила она.

— Чтобы вы покинули сад до рассвета.

Элиана рассмеялась. Одним коротким звуком. Даже Оррис повернулся к ней.

— Что смешного? — спросил человек за воротами.

— Сегодня мужчины рода Рейнаров удивительно единодушны. Один отправляет меня сюда. Второй требует уйти. Вы заранее распределяете между собой, кому в какой час позволено распоряжаться моей жизнью?

Молчание длилось достаточно долго, чтобы она поняла: попала. Не победила. Просто задела.

— Вы не понимаете, где находитесь, — наконец сказал Каэль.

— Это я сегодня уже слышала.

— И, судя по всему, не поняли.

Элиана крепче сжала в кармане медный ключ. Тот самый, который несколько часов назад дал ей Оррис. Нелепая вещица против дракона. Но этот кусок металла открывал дверь в комнату, которую впервые никто не мог запереть перед ней со словами «не утруждайтесь, миледи».

— Я поняла достаточно, — сказала она. — Сад старше дома Рейнаров. Он не любит тех, кто пытается им владеть. Он впустил меня.

Она подняла глаза на тёмный силуэт.

— А вас почему-то оставил снаружи.

Оррис тихо втянул воздух. На мгновение Элиана пожалела о сказанном. В снегопаде над куполом дрогнуло огромное крыло.

— Именно поэтому, — глухо ответил Каэль, — вам нужно уйти.

— Объясните.

— Откройте ворота.

— Нет.

— Тогда объяснять бессмысленно.

Элиана чуть приподняла бровь.

— Удобно.

— Через железо я не смогу вытащить вас, если сад проснётся полностью.

Она посмотрела на белую розу. Вокруг первого цветка уже набухли серебристые почки. Под снегом проступали тёмные влажные пятна земли. То, что она считала чудом, Каэль называл только началом.

— Почему вас вообще волнует, придётся ли меня вытаскивать?

Ответ пришёл не сразу.

— Потому что вы не знаете, во что вас втянули.

— Вы тоже начинаете говорить как Арман.

— Не сравнивайте меня с ним.

В голосе впервые появилась настоящая резкость. Элиана почувствовала её почти физически. Вот. Живое место.

— Тогда не ведите себя как он.

За воротами стало тихо. Оррис покосился на неё, но вмешиваться не стал.

— Я не считаю вас своей ответственностью, леди Северин, — сказал Каэль после паузы.

— Уже лучше.

— Я считаю вас женщиной, которую мой брат поставил на игровую доску, не объяснив правил.

Элиана перестала улыбаться. Фраза была неприятной. Но в ней не было жалости. Каэль не назвал её бедной.

Брошенной. Наивной. Он назвал происходящее игрой Армана.

— Почему он отдал мне сад?

— Потому что был уверен, что сад вас отвергнет.

Оррис резко повернул голову. Элиана заметила.

— Продолжайте.

— Вы вошли бы сюда, провели несколько часов в холоде, испугались и вернулись. Он предложил бы городской дом. Содержание. Защиту. Возможно, через месяц — ещё какую-нибудь милость.

Каждое слово вставало на своё место. Дом до конца сезона. Тихий голос Армана.

«Ты не понимаешь, что это за место».

Не забота. Запасной выход.

— И все увидели бы, какой он великодушный, — сказала Элиана.

— Именно.

Она вспомнила его руку в Зале Совета. Как сжались пальцы, когда она сказала, что принимает сад. Тогда Элиана увидела тревогу. Теперь понимала её причину.

Она испортила заранее написанную сцену.

— А когда сад меня впустил?

— Он пожалел.

— Откуда вы знаете?

— Я знаю брата.

Слово прозвучало так, словно Каэль говорил о старой ране. Элиана не стала спрашивать. Пока.

Над куполом исчезла последняя тень драконьего крыла.

— Почему пришли вы?

— Потому что Арман редко смотрит на собственные ошибки в первую ночь. Он предпочитает послать других.

У Элианы пересохло во рту.

— Кого?

Оррис тихо выругался. Совершенно не загадочно. От этого стало страшнее.

— Людей, которых завтра можно будет назвать чрезмерно усердными слугами, если их поймают, — сказал Каэль.

Элиана повернулась к Оррису.

— В сад есть другой вход?

Старик нахмурился.

— Старая калитка у западной стены. Почти завалена.

— Почти?

— Тот, кто знает место, пролезет.

— Люди Армана знают?

Оррис потёр ладонью лицо.

— Не знали.

Каэль заговорил снаружи:

— Теперь знают.

Старик посмотрел в сторону тёмной западной галереи.

— Кто показал?

— Тот же человек, который забрал отсюда книги после смерти моего отца.

Оррис замер. Сад вокруг них заскрипел. Ветви роз начали подниматься. По стеклянному куполу побежали тонкие белые линии инея. В фонтане с громким щелчком треснул лёд.

— Что за книги? — спросила Элиана.

Оррис не ответил.

— Только не говорите «завтра».

— Хорошо. Не скажу.

— Тогда говорите сейчас.

— Сейчас у западной стены люди.

Раздражение сменяется холодной ясностью.

— А книги?

— Записи о первых хозяйках сада, — сказал Каэль из-за ворот. — Старые договоры. Клятвы. После смерти моего отца часть исчезла из архивов.

— Кто их забрал?

Каэль ответил сразу:

— Севар Грейн.

Имя было знакомым. Высокий сухой мужчина с идеально ровным пробором. Тонкие губы. Безупречные поклоны. Он нередко приносил Арману документы к завтраку. Однажды Элиана предложила помочь разобрать старые архивы.

Арман не отрываясь от бумаг сказал:

«Грейн знает, какие двери должны оставаться закрытыми».

Тогда она решила, что муж говорит о государственных тайнах. Теперь фраза звучала совсем иначе.

— Управитель дома Рейнаров?

— Да.

Оррис нехорошо усмехнулся.

— Севар всегда лучше помнил двери, чем клятвы.

Из глубины сада донёсся глухой удар. Все трое замолчали. Ещё один. У западной стены.

Оррис поднял фонарь.

— Калитка.

Элиана услышала сухой треск ветвей. Потом металлический скрежет. Кто-то пытался открыть старый проход.

— В дом, — сказал Оррис.

Почти одновременно Каэль за воротами произнёс:

— Уходите от центральной дорожки.

Элиана осталась на месте.

— Элиана! — голос Каэля стал жёстче.

Она резко повернула голову к воротам.

— Не смейте.

Молчание.

— Что?

— Приказывать мне.

— Сейчас не время выяснять...

— Именно сейчас.

У западной стены что-то громко рухнуло. Оррис шагнул ближе.

— Госпожа, он прав насчёт дорожки.

— Тогда скажите почему.

Каэль выдохнул так громко, что она услышала даже через ворота.

— Если они не смогут пройти через старую калитку, заставят сад отвлечься.

— Как?

Ответ пришёл сам. Снаружи вспыхнул рыжий свет. За западной стеной взметнулось пламя. Оно не было большим — короткая полоса огня вдоль сухих зарослей. Но сад вздрогнул всем телом.

Стекло над головой зазвенело. Несколько осколков посыпались в дальней галерее. Розовые ветви резко повернулись в сторону пожара.

— В дом! — рявкнул Оррис.

Он схватил Элиану за рукав. На этот раз она позволила оттащить себя под каменную арку. Не из послушания. Потому что сверху упал кусок стекла и разбился в двух шагах.

— Они отвлекают сад, — сказала Элиана.

— Да.

— Значит, входят не там, где горит.

Старик задержал на ней взгляд. Она уже бежала.

— Госпожа!

— Правую галерею!

Почему именно правую, Элиана поняла прежде, чем успела объяснить самой себе. Арман никогда не давил на то место, куда собирался ударить. Он заставлял смотреть в другую сторону. На переговорах поднимал вопрос о налогах, когда хотел получить землю.

Спорил о сроках, когда настоящей целью была подпись. Если пожар был на западе, люди могли идти через внутренний хозяйственный проход, соединённый со старой калиткой.

— Элиана, стойте!

Теперь это был Каэль. Уже ближе. Слишком близко. Она обернулась на бегу и едва не врезалась в мужчину.

Каэль оказался внутри сада. В человеческом облике. Она не услышала, как открылись ворота. Не увидела обращения.

Просто секунду назад между ними было железо, а теперь перед ней стоял высокий мужчина в мокром чёрном плаще. Первой Элиана заметила не лицо. Руки. На правой руке вдоль пальцев ещё оставалась тёмная чешуя, медленно исчезающая под кожей.

Потом подняла взгляд. Тёмные волосы, мокрые от снега, были отброшены назад. На скуле белел старый шрам. Черты действительно напоминали Армана — та же линия челюсти, высокий лоб, привычка держать голову чуть выше. Но Каэль был жёстче. Не красивее.

Именно жёстче. Будто жизнь не полировала его для чужих глаз, а била о камни и оставляла следы. Серые глаза быстро осмотрели Элиану.

— В дом.

Он взял её за предплечье. Элиана остановилась. Каэль успел сделать полшага, прежде чем понял, что она не двигается.

— Отпустите.

— Там трое вооружённых мужчин.

— Отпустите мою руку.

Он сжал челюсть. Его пальцы оставались на её рукаве. Не больно. Но достаточно.

И этого хватило. В груди Элианы словно распахнулась дверь в три прошедших года.

«Останься».

«Не вмешивайся».

«Я решу».

«Ты не понимаешь».

«Будет лучше, если...»

— Сейчас, — сказала она.

Каэль посмотрел ей в лицо. И отпустил. Не сразу. На один удар сердца позже, чем следовало.

Элиана это запомнила. Он тоже понял.

— Я пытаюсь не дать вам попасть под нож.

— Тогда расскажите, где нож.

— Это не игра.

— Именно поэтому мне нужна информация, а не хозяин.

В серых глазах вспыхнуло раздражение. Настоящее.

— Вы всегда спорите, когда вас пытаются спасти?

— Последние несколько часов — да. До этого была значительно удобнее.

Каэль открыл рот. Из правой галереи донёсся мужской крик. Он выругался и резко повернулся.

— За колонну. Хотя бы это.

На этот раз Элиана послушалась. Потому что он объяснил направление опасности. Они дошли до галереи почти одновременно. Там уже были люди.

Трое. Первый — в сером плаще без герба, но Элиана узнала форменную застёжку внутренней стражи Рейнаров. Второй держал длинный металлический крюк. На руке третьего горела рыжая печать.

Одна из оживших лоз обвила сапог мужчины с крюком, и он пытался перерезать её ножом.

— Не смейте! — крикнула Элиана.

Трое обернулись. Мужчина с печатью прищурился.

— Леди Рейнар.

Лицо становится холодным.

— Северин.

— Нам приказано проверить владение.

— Ночью?

— Вопрос безопасности дома.

Элиана посмотрела на крюк. Потом на нож.

— Странные инструменты для проверки безопасности.

Мужчина с печатью спрятал руку за спину. Слишком поздно.

— Кто вас прислал?

— Управитель.

— Имя.

Он помедлил.

— Лорд Грейн действует от имени главы рода.

Вот и всё. Не доказательство. Но направление.

— Уходите.

Мужчина оглядел её зелёное чужое платье. Грубую шерстяную накидку. Распущенные волосы. На его лице мелькнуло почти незаметное презрение.

Элиана видела такое выражение у дворцовых слуг только один раз — когда новая горничная ещё не знала, что жена Армана имеет право отдавать распоряжения.

— Миледи, вы, вероятно, не понимаете положения. По документам владение остаётся собственностью дома Рейнаров.

— Сегодня Совет передал его мне.

— В пользование.

— До тех пор, пока Совет не скажет иное, вы находитесь в моём доме без разрешения.

Слова прозвучали странно. Моём доме. Что-то тёплое отозвалось под рёбрами. Сад услышал тоже.

Белая роза далеко у ворот вспыхнула серебром. Свет побежал по ветвям. Люди Армана невольно отступили. Один всего на полшага.

Но Элиане хватило.

— Вы слышали хозяйку, — сказал Каэль.

Он стоял в тени позади мужчин. Элиана даже не заметила, как обошёл их. Мужчина с крюком побледнел.

— Лорд Каэль.

— Не называй меня так, Марс.

Значит, они знакомы. Марс опустил крюк ниже.

— Нам приказано...

— Я слышал приказ.

Каэль шагнул ближе. И воздух изменился. Элиана почувствовала это сразу. Вот чего не было у ворот.

Каэль перестал сдерживать себя. За его плечами на мгновение легла тень огромных крыльев. Серый свет в глазах стал почти металлическим. Мужчины отступили одновременно.

— Печать опусти, — сказал Каэль.

Тот, у кого на перчатке горел рыжий знак, не подчинился.

— Ты не имеешь здесь права.

Каэль посмотрел на него.

— А ты имеешь?

— Это владение дома Рейнаров.

— Ошибаешься.

— Так сказал лорд Арман.

— Арман много чего говорит, когда рядом есть люди, готовые поверить.

Элиана почувствовала взгляд Орриса. Старик появился у входа в галерею с фонарём и почему-то смотрел не на людей Армана. На Каэля. Предупреждающе.

Элиана тоже присмотрелась. Каэль стоял слишком неподвижно. Человеку с печатью следовало испугаться именно сейчас. Он и испугался.

Но страх часто делает глупым. Мужчина резко поднял руку. Рыжий знак вспыхнул.

— Именем дома Рейнаров...

Роза у ног Элианы раскрылась. Сад ударил первым. Чёрная лоза взметнулась из-под снега и обвила запястье мужчины. Он вскрикнул.

Печать погасла. Второй бросился к нему. Каэль оказался рядом быстрее. Одно движение.

Он схватил мужчину за ворот плаща и ударил спиной о каменную колонну. Глухо. Тело обмякло. Слишком легко.

Элиана вздрогнула. Третий бросился к проходу.

— Оррис, — коротко сказал Каэль.

Старик поднял фонарь.

— Не туда.

Из каменной щели полезли ветви. Беглец отшатнулся. Каэль сделал шаг к мужчине с погасшей печатью. Тот прижал руку к груди.

— Передашь Арману: если он ещё раз пришлёт людей сюда ночью, я доставлю их к ступеням Совета связанными. С его печатями на руках.

— Он тебя не боится.

— Зато ты боишься.

Каэль наклонился ближе.

— И правильно делаешь.

По спине Элианы прошёл холод. Не из-за слов. Из-за того, как они прозвучали. Без хвастовства.

Без красивой угрозы. Каэль действительно мог сделать то, что обещал. Возможно, хуже. Она не собиралась забывать об этом только потому, что сейчас его опасность была направлена не на неё.

— Хватит, — сказала Элиана.

Каэль не сразу повернул голову. Это ей не понравилось.

— Они поняли.

— Я решу, когда они поняли.

Серые глаза встретились с её. В них ещё стояло что-то драконье. Холодное. Злое.

— Это люди Армана.

— В моём саду.

— Они пришли за вами.

— Тогда тем более решать мне.

Несколько секунд Каэль молчал. Элиана не отводила взгляда. Потом тень крыльев за его плечами исчезла.

— Хорошо.

Не извинение. Но отступление. Для начала достаточно. Элиана подошла к человеку с печатью.

— Вы уйдёте через главные ворота.

— Они закрыты.

— Откроются.

Мужчина невесело усмехнулся.

— Вы уже решили, что сад выполняет приказы?

Элиана посмотрела на белый свет вдоль ветвей. Потом покачала головой.

— Нет.

Она повернулась к центральной галерее.

— Но можно попросить.

Каэль что-то тихо сказал себе под нос.

— Что?

— Ничего.

Элиана вышла к розам. Удивительно, но теперь говорить с садом при людях оказалось легче, чем несколько часов назад наедине.

— Они пришли без приглашения, — произнесла она. — Я хочу, чтобы они ушли. Без цветов. Без ветвей. Без того, что искали.

Снег шевельнулся. По дорожке одна за другой вспыхнули серебряные почки. Где-то у главного входа закрипело железо. Оррис выглянул из галереи.

— Открыл.

— Полностью?

Старик хмыкнул.

— Сад тоже умеет быть невежливым.

Когда они подошли ближе, Элиана поняла. Створки разошлись ровно настолько, чтобы взрослому мужчине пришлось протискиваться боком. Марс посмотрел на проход с ненавистью.

— Передайте Арману, — сказала Элиана, — что сегодня он ошибся дважды.

— В чём же?

— Сначала решил, что сад мёртв.

Она посмотрела на белую розу.

— Потом — что я тоже.

Каэль бросил на неё быстрый взгляд. Марс ничего не ответил. Люди уходили один за другим. Тот, кого Каэль ударил о колонну, пришёл в себя и шёл, держась за плечо. Третий ни на кого не смотрел.

Ворота сомкнулись. На этот раз без грохота. Тихо. Почти буднично.

И только тогда Элиана поняла, что дрожит. Не сильно. Но чашку она бы сейчас не удержала. Она спрятала руки под накидку.

— Вы ранены? — спросил Каэль.

— Нет.

— Рука.

— Что с ней?

— Вы держите её странно.

— Замёрзла.

Он приблизился.

— Покажите.

— Нет.

— Элиана.

Имя прозвучало неожиданно. Без «леди». И совсем не так, как произносил Арман. Но приказ оставался приказом.

Она отступила.

— Вы плохо усваиваете уроки, лорд Каэль.

Он остановился.

— Я хочу убедиться, что вас не задело печатью.

— Тогда спросите.

— Я спросил.

— Нет. Вы велели показать руку.

Раздражение вернулось в его лицо.

— Вы спорите о словах после того, как едва не получили родовой печатью в грудь.

— Именно после этого слова особенно важны.

Он провёл ладонью по мокрым волосам.

— Невероятно.

— Что?

— Вы.

— Это комплимент?

— Нет.

Элиана неожиданно улыбнулась.

— Прекрасно. С комплиментами сегодня и так был плохой день.

Оррис кашлянул.

— Если вы оба закончили выяснять, кто хуже воспитан, я бы предпочёл проверить западную галерею до того, как там упадёт крыша.

Каэль повернулся к нему.

— Она туда не пойдёт.

Элиана медленно посмотрела на него. Оррис прикрыл глаза.

— Я даже предупреждать не буду, — пробормотал старик.

— Что? — спросил Каэль.

— Ничего. Продолжайте. Мне любопытно, сколько раз человек может наступить на одни грабли за одну ночь.

— Западная галерея опасна, — сказал Каэль Элиане.

— Верю.

— Там могли оставить второй знак.

— Верю.

— Тогда почему вы смотрите так, будто собираетесь идти?

— Сегодня не собираюсь.

Он явно не ожидал.

— Но завтра, — продолжила она, — я хочу знать всё, что находится в моём доме.

— Нет.

Улыбка исчезла.

— Что вы сказали?

Каэль сразу понял ошибку. Но было поздно.

— Я сказал...

— Я слышала.

— Там не просто разбитые рамы.

— Тогда объясните, что там.

— Сейчас это не имеет значения.

— Для кого?

Он сжал челюсть.

— Для вашей безопасности.

Внутри поднимается знакомая усталость. Не страх. Именно усталость.

— Ваш брат три года говорил мне то же самое.

— Я не Арман.

— Тогда перестаньте доказывать это его любимым способом.

Удар попал. Каэль отступил на полшага. На этот раз не из вежливости. Словно она толкнула физически.

— Осторожнее, — сказал он.

— Нет.

Элиана сама удивилась, насколько спокойно прозвучал голос.

— Осторожной я была три года. За столом. В гостиной. В спальне. На приёмах. Я проверяла каждую фразу, чтобы не поставить Армана в неловкое положение. Не задавала второй вопрос, если он не отвечал на первый. Не входила в комнаты, куда меня не приглашали. Не спрашивала, почему исчезают портреты.

Каэль отвернулся. Она продолжила:

— Я была очень осторожной женой. И сегодня меня всё равно поставили посреди Совета и объяснили, что я оказалась недостаточно полезной.

Сад затих. Даже Оррис не двигался. Элиана почувствовала, что сказала больше, чем хотела. Горло внезапно перехватило.

Она отвернулась первой. Вот теперь было хуже. Опасность закончилась. Когда люди Армана стояли перед ней, она могла думать.

Теперь руки дрожали, мышцы болели, а голос вдруг захотел предать. Элиана сделала вид, что рассматривает ветви.

— Поэтому, — закончила она уже тише, — я сама решу, что мне рано знать.

Каэль долго молчал.

— Хорошо.

Она обернулась. Он стоял дальше, чем раньше. Сознательно.

— Что — хорошо?

— Вы правы.

Это было настолько неожиданно, что Элиана не нашла ответа. Каэль потёр переносицу.

— Я привык вытаскивать людей из мест, где они могут погибнуть. Иногда раньше, чем спрашиваю, хотят ли они помощи.

— Плохая привычка.

— Очень.

— И давно она у вас?

— Достаточно.

Оррис тихо сказал:

— С рождения.

Каэль бросил на него взгляд.

— Спасибо.

— Всегда рад.

Напряжение немного отпускает. Совсем немного.

— Значит, западная галерея.

Каэль выдохнул.

— Упрямая.

— Мы это уже выяснили.

Он посмотрел на тёмные стёкла.

— Там хранились записи о саде. О первых хозяйках. О договорах между хранителями земли и драконьими родами. После смерти моего отца часть архивов исчезла.

— Грейн?

— Да.

— Арман знал?

Каэль помедлил.

— Знал, что книги забирают.

— И позволил?

— Тогда он ещё не был главой.

— Это не ответ.

Серые глаза вернулись к ней.

— Нет. Не ответ.

Элиана ждала. Каэль провёл большим пальцем по старому шраму у костяшки. Первое нервное движение, которое она у него заметила.

— Я не знаю, сколько Арман знал тогда. И не собираюсь придумывать удобную для себя версию только потому, что ненавижу то, кем он стал.

Элиана слегка подняла подбородок. Вот это ей понравилось больше красивой уверенности.

— Справедливо.

Он кивнул.

— Но Грейн знал точно. Я видел, как он выносил книги.

— Почему не остановили?

Тень прошла по лицу Каэля.

— Пытался.

Оррис опустил взгляд. Элиана поняла: за этим словом лежала часть истории изгнания.

— И после этого вас объявили предателем?

— Не только после этого.

— Что ещё произошло?

Каэль усмехнулся без веселья.

— Леди Северин, мы знакомы меньше часа.

— За этот час вы потребовали, чтобы я ушла из своего дома, дважды попытались отправить меня прятаться, схватили за руку и ударили человека о колонну.

— Он заслужил.

— Возможно. Но с обычным знакомством мы уже опоздали.

Оррис фыркнул. Каэль повернулся к ней. И неожиданно улыбнулся. Совсем немного.

Улыбка изменила его сильнее, чем Элиана ожидала. На мгновение она увидела человека с исчезнувшего портрета. Того, у которого ещё не было столько шрамов. Потом выражение исчезло.

— Другую часть расскажу позже.

— Это означает «никогда»?

— Нет.

— Хорошо.

Каэль будто удивился, что она не стала давить.

— Хорошо?

— Позже. Но не никогда.

Он чуть склонил голову.

— Договорились.

Её внимание вернулось к Оррису.

— А вы?

- Что я?
- Тоже знали про книги.
- Знал.
- И тоже собирались рассказывать «потом».
- Собирался.
- Вас я допрошу утром.
- Старик поморщился.
- Можно после завтрака?
- Если будет завтрак.
- Теперь точно будет.

Элиана хотела ответить. И вдруг почувствовала боль. На внутренней стороне левого запястья. Сначала лёгкое покалывание.

Потом жар. Она резко отдернула рукав.

— Что такое? — Каэль сразу напрягся.

— Не знаю.

Под кожей проступала серебряная линия. Элиана смотрела, не понимая. Тонкая, как след от иглы. Линия поднималась от внутренней стороны запястья выше.

Разветвлялась. Один изгиб. Второй. Третий.

— Оррис.

Старик шагнул ближе. Фонарь дрогнул в его руке. Серебро под кожей становилось ярче. Теперь рисунок можно было различить.

Стебель. Три небольших шипа. И закрытый бутон. Элиана провела пальцем рядом, не касаясь.

Знак не был нанесён сверху. Он находился под кожей. Словно всегда жил там и только сейчас решил показаться.

— Это печать тех людей? — спросила она.

— Нет, — резко сказал Каэль.

Его лицо изменилось. Вся прежняя жёсткость исчезла. Он побледнел. Элиана впервые увидела его по-настоящему испуганным.

— Тогда что?

Никто не ответил. Она посмотрела на Орриса. Старик стоял неподвижно.

— Оррис?

Фонарь опустился. Следом на одно колено опустился сам Оррис. Элиана отшатнулась.

— Что вы делаете?

Он будто не слышал. Смотрел на знак. В его лице не было ни прежней насмешливости, ни раздражения, ни даже страха. Только такое выражение, от которого Элиане стало холоднее, чем во время снегопада.

Благоговение. И боль.

— Немедленно встаньте.

Оррис поднял глаза.

— Госпожа...

— Если вы сейчас начнёте мне кланяться, я уйду спать исключительно назло всем древним силам этого места.

Старик почти улыбнулся. Но не встал.

— Оррис.

— Это знак древней хозяйки.

Элиана перестала дышать. Где-то в глубине сада одна за другой начали раскрываться почки. Не все. Десятки.

Серебряные точки загорались в темноте. Элиана смотрела на собственную руку.

— Что значит «древней»?

Оррис медленно поднялся.

— Первую женщину, которую сад признал не гостем и не зрителем.

Он помедлил.

— Сердцем.

Каэль отвернулся, коротко выругался и провёл ладонью по лицу. Это напугало Элиану больше реакции Орриса.

— Вы знали, что такое возможно?

— Знал, что когда-то было, — ответил старик.

— Когда?

— Давно.

— У Рейнаров?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро. Она повернулась к нему, потом к Каэлю. Тот ничего не сказал.

— У Северинов?

Оррис закрыл глаза. Всего на мгновение. Этого хватило. Медный ключ в кармане становится тяжёлым.

— Поэтому сад впустил меня.

— Возможно.

— Поэтому Арман не хотел, чтобы я сюда приходила.

— Он не знает всего, — сказал Каэль.

— Но знает достаточно?

Каэль посмотрел на серебряный бутон.

— После сегодняшней ночи — да.

— Откуда?

— Его люди увидели цветы.

— Они не видели знак.

— Неважно. Грейн поймёт.

Оррис наконец поднял фонарь. Свет лёг на его морщинистое лицо.

— Если Севар увидит ожившие розы и узнает, что сад защищал вас от родовой печати, он сопоставит старые записи.

Элиана почувствовала ту самую странную ясность, которая приходила к ней всякий раз, когда становилось страшно настолько, что страх уже некуда было увеличивать.

— Тогда завтра мы идём в западную галерею.

Каэль сразу ответил:

— Нет.

Она подняла на него глаза. Он замер. Оррис очень медленно отвернулся, скрывая лицо. Каэль закрыл глаза.

— Я опять это сделал.

— Да.

— Простите.

Первое настоящее извинение за всю ночь. Без оправдания. Элиана неожиданно почувствовала, что злость отпускает.

— Завтра, — сказала она, — вы можете объяснить, насколько галерея опасна. После этого я решу.

— Хорошо.

— И если решу идти?

Каэль задержал на ней взгляд. Несколько секунд в нём явно боролись две привычки. Одна — приказать. Вторая была новее.

— Тогда я предложу пойти с вами.

Элиана кивнула.

— Вот теперь вы учитесь.

Уголок его рта дёрнулся. Но Оррис не улыбнулся. Он всё ещё смотрел на знак.

— Что?

Старик перевёл взгляд на ворота. Белая роза у входа внезапно закрылась. Потом открылась снова.

— Это плохо? — спросила Элиана.

— Это предупреждение.

Каэль тоже повернулся к входу.

— Нет.

— Что?

Он смотрел в снег за стеклянными стенами.

— Сегодня Арман не придёт.

Элиана ждала. Каэль медленно перевёл глаза на серебряный знак её руки. В его лице не осталось даже следа улыбки.

— Но теперь он придёт сам.

Глава 4. Первые цветы после двадцати лет зимы

Арман не пришёл ночью. К рассвету Элиана перестала ждать стука в ворота. Это не принесло облегчения. Она лежала в узкой кровати дома смотрителя, завернувшись в два шерстяных одеяла, и смотрела на круглое окно. За стеклом небо медленно менялось с чёрного на серое. Снег больше не падал. На треснувшем куполе лежал тусклый рассвет.

Спать почти не получилось. Стоило закрыть глаза, возвращался Зал Совета. Чёрный перстень на мраморе. Арман, произносящий слово «позор».

Потом люди у западной галереи. Рыжая родовая печать. Руки Каэля на её предплечье. И серебряный знак, проступивший под кожей.

Элиана высунула левую руку из-под одеяла. Знак никуда не исчез. Стебель начинался чуть выше внутренней стороны запястья, изгибался к ладони. Три маленьких шипа. Закрытый бутон. Ночью он светился.

Теперь серебро стало бледнее и напоминало очень тонкий рисунок, нанесённый под кожу. Элиана осторожно коснулась его. Тепло. Не кожа.

Именно знак. Она тут же убрала палец.

— Нет, — сказала пустой комнате. — Сначала завтрак. Потом древняя магия.

Голос прозвучал хрипло. Наверное, это было разумно. Или она просто слишком устала, чтобы начинать утро с нового потрясения. Элиана села.

Комната встретила её тишиной. Никто не постучал. Никто не спросил, можно ли открыть шторы. Не появилась горничная с тазом горячей воды.

Не принесли список утренних дел. На стуле висело вчерашнее зелёное платье. Чужое. Простое.

На левом рукаве была аккуратная старая заплатка, которую Элиана не заметила вечером. Она провела по ней пальцем. Во дворце повреждённые вещи исчезали быстро. Платье с порванным подолом отправляли служанкам или выбрасывали. Чашку со сколом убирали со стола. Треснувшую раму меняли. Старая мебель переезжала в дальние комнаты, чтобы никто из гостей не увидел, что время вообще способно коснуться дома Рейнаров.

Здесь вещи не исчезали. Их чинили. Элиана надела платье. Заплатка легла точно на локоть.

Она почему-то разгладила её ещё раз. Потом умылась ледяной водой из кувшина, собрала волосы как смогла и долго смотрела на серебряный знак. Оставить открытым было глупо. Если Арман действительно придёт, первым делом начнёт смотреть.

Она нашла полоску чистой ткани, обернула запястье и завязала узел. Получилось не слишком красиво. Элиана переделала. Потом ещё раз.

На четвёртой попытке остановилась.

— Три года брака, — сказала отражению в треснувшем зеркале, — и вот наконец пригодились умение завязывать безупречные ленты.

Отражение выглядело значительно менее безупречным, чем лента. Элиана неожиданно улыбнулась. Совсем чуть-чуть. Спустилась вниз.

На кухне пахло хлебом. Оррис стоял у стола и резал вчерашнюю буханку настолько серьёзно, будто от толщины ломтей зависела судьба государства. Каэль сидел на лавке у окна. Он переоделся.

Вместо мокрого плаща — тёмная рубашка, простой жилет и кожаные наручи. Волосы ещё оставались влажными, будто он недавно умывался снегом или вообще не считал воду нужной роскошью. Под глазами лежали тени. Элиана остановилась у двери.

— Вы не спали.

Каэль поднял на неё глаза.

— Доброе утро.

— Это не ответ.

— Тогда вы уже достаточно бодры.

Оррис поставил на стол хлеб.

— Сад пережил ночь, ворота стоят, крыша над спальней не упала. Для этого дома утро вполне доброе.

— Высокие требования.

— Низкие требования продлевают жизнь.

Элиана села. Перед ней появилась чашка горячей воды, кусок сыра и два ломтя хлеба.

Она посмотрела на Орриса.

— Вы каждый день едите одно и то же?

— Нет.

— Хорошо.

— Иногда сыр заканчивается.

Элиана замерла с хлебом в руке. Каэль опустил лицо к чашке. Но она успела увидеть, как уголок его рта дрогнул.

— Вы смеётесь? — спросила она.

— Нет.

— Я видела.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Хотела убедиться, что изгнанные драконы умеют.

— Редко.

Оррис сердито положил нож.

— Если вы оба начнёте разговаривать до того, как поедите, я уйду кормить розы. Они хотя бы не задают лишних вопросов.

Элиана послушно откусила хлеб. И почти сразу поняла, насколько голодна. Вчера после завтрака она почти ничего не ела. Первый кусок пришлось заставить себя проглотить.

Второй пошёл легче. После третьего тело будто вспомнило, что существует отдельно от достоинства, развода, древней магии и драконьих родов. Элиана потянулась за сыром. Каэль молча придвинул тарелку ближе.

Она посмотрела на его руку. Большую. На костяшках — старые шрамы. Вчера эти пальцы держали человека у каменной колонны так легко, что Элиана до сих пор помнила звук удара.

А сейчас он всего лишь передвинул ей сыр. Элиана взяла кусок.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Ничего особенного. Именно поэтому ей понравилось.

— Что произошло после того, как я ушла наверх? — спросила она.

Каэль отставил чашку.

— Люди Армана не вернулись. Я проверил западную стену. Следы идут к дороге.

— Трое?

— Четверо.

Элиана нахмурилась.

— Мы видели троих.

— Четвёртый ждал с лошадьми.

— Кто?

— Не знаю. Лица он не показал.

Оррис положил себе сыр.

— Каэль знает, что это был человек Грейна.

— Знаете или предполагаете?

Каэль ответил после короткой паузы:

— Предполагаю. По седлу.

— По седлу?

— Стража Армана ездит на чёрных с серебряной отделкой. Люди Грейна используют тёмно-коричневые с латунью. Так меньше бросается в глаза.

— Вы запоминаете сёдла?

— Когда несколько лет живёшь так, чтобы люди собственного рода не знали, где ты ночуешь, начинаешь обращать внимание на странные вещи.

Он сказал это спокойно. Без просьбы о сочувствии. Элиана не стала давать его.

— Значит, Грейн уже знает, что произошло.

— К рассвету наверняка.

— И Арман?

— Если Грейн ещё не сказал ему лично, то скоро скажет.

Элиана прожевала хлеб.

— Когда вы думаете, он приедет?

— Не утром.

— Почему?

Каэль посмотрел в окно.

— Утром слухи ещё слишком сырые. Арман не любит действовать, пока не понимает, кто уже наблюдает.

Это звучало верно. Элиана вспомнила переговоры во дворце. Арман редко отвечал на дурные новости сразу. Сначала закрывался в кабинете.

Вызывал Грейна. Потом ещё двоих. Иногда просил Элиану отменить ужин. К вечеру появлялся с решением, которое выглядело так, будто существовало всегда.

— Значит, у нас есть несколько часов.

Каэль повернулся к ней.

— На что?

— На работу.

— Вы собираетесь работать?

Элиана медленно положила хлеб.

— Это прозвучало оскорбительно.

— Я имел в виду...

— Я знаю, что вы имели в виду.

— Вы почти не спали.

— Вы тоже.

— Это другое.

— Почему?

Каэль открыл рот. Закрыл. Оррис взял ещё один ломоть хлеба.

— Осторожнее, парень.

— С чем?

— Ты снова подошёл к граблям.

Элиана не удержалась. Рассмеялась. Не громко. Но по-настоящему.

Каэль посмотрел сначала на неё, потом на Орриса.

— Мне кажется, вы наслаждаетесь этим.

— Я прожил здесь двадцать лет почти без развлечений.

Элиана всё ещё улыбалась, когда поднялась из-за стола. И только у двери заметила это. Она смеялась. После вчерашнего.

После Совета. После дороги по снегу. После всего. Не потому, что стало хорошо.

Просто жизнь каким-то неприличным образом продолжалась. И, возможно, это уже было достаточно.

Первым делом они занялись центральной дорожкой. Она была почти полностью скрыта под снегом, льдом, опавшими ветвями и землёй, которую за годы нанесло через разбитые стёкла. Оррис нашёл три лопаты. Две оказались целыми.

Третью Элиана узнала.

— Это та самая?

Старик посмотрел на обломанный черенок.

— Та самая.

— Я готова возместить ущерб.

— Из первого дохода сада.

— Договорились.

Каэль взял тяжёлую лопату. Элиана — меньшую. Он посмотрел на неё. Она подняла бровь.

Каэль ничего не сказал.

— Очень хорошо, — похвалила Элиана.

— Что?

— Обучаемость.

— Я просто решил сохранить силы для момента, когда вы всё равно не слушаете.

— Значит, обучение ещё не закончено.

Оррис прошёл между ними с ведром.

— А я начинаю скучать по двадцати годам тишины.

Работа оказалась труднее, чем представляла Элиана. Через десять минут заболели плечи. Через двадцать вспотела спина, хотя в галерее было холодно. Через полчаса ладони начали гореть.

Она сняла перчатку и обнаружила красные полосы у основания пальцев.

— Покажите, — сказал Каэль.

Её внимание вернулось к нему. Он тут же поднял обе руки.

— Я спросил.

— Уже прогресс.

— И?

Она протянула ладонь. Каэль не взял её. Только наклонился посмотреть.

— Будут мозоли.

— Переживу.

— Наверняка.

— Вы сейчас сомневаетесь?

— Нет. Пытаюсь представить леди Рейнар с мозолями.

Элиана выдернула руку обратно.

— Такой женщины больше нет.

Каэль замер. Шутка умерла между ними слишком быстро. Элиана сама удивилась резкости. Он не сказал ничего обидного.

Просто имя ударило не в то место.

— Простите, — произнёс Каэль.

Она взялась за лопату.

— Вы не могли знать.

— Теперь знаю.

Элиана сделала ещё один шаг.

— Я не хочу, чтобы вокруг меня ходили как по тонкому льду.

— Тогда предупреждайте, где он треснул.

— Это невозможно.

Каэль кивнул.

— Справедливо.

И вернулся к работе. Без объяснений. Без попытки сделать ей лучше. Элиане понравилось и это.

К полудню дорожку расчистили до фонтана. Под грязью открылся узор из серого и серебряного камня. По краям дорожки шли маленькие изображения листьев, соединённые тонкими линиями. Элиана присела.

— Оррис.

— Что?

— Это было видно раньше?

Старик подошёл, вытер ладонью камень.

— До того, как сад умер.

— Что означают линии?

— Воду.

— Каналы?

— Вроде того.

Элиана провела пальцем по узору. Линия шла от фонтана к клумбе, потом исчезала под льдом.

— Значит, сад поливался не вручную.

— Частично.

— Откуда вода?

Оррис указал на фонтан.

— Оттуда.

— Но чаша замёрзла.

— Сейчас — да.

Элиана посмотрела на тёмный лёд. Под ним по-прежнему иногда мерцали серебряные точки.

— Если восстановить каналы?

— Возможно, вода пойдёт снова.

Каэль поставил лопату к стене.

— Не раньше весны.

Элиана покосилась на белые розы, цветущие среди снега.

— Мне кажется, этот сад не слишком уважает времена года.

Каэль посмотрел туда же.

— Справедливо.

Они пошли дальше. В правой оранжерее несколько рам держались настолько плохо, что Оррис велел не проходить под ними. Каэль нашёл в кладовой железные скобы и старый молоток. Следующий час они спорили о том, какую опору укреплять первой.

— Верхняя арка, — сказал Каэль.

— Боковая, — ответил Оррис.

— Если верхняя уйдёт, вся секция сложится.

— Если тронешь её сейчас, она сложится тебе на голову.

— Я переживу.

— Стекло тоже?

Элиана стояла чуть в стороне и смотрела вверх. Трещина на одной из больших панелей уходила не к верхней арке. Она начиналась у правого края и расходилась веером.

— Ни та, ни другая.

Оба мужчины повернулись. Элиана показала пальцем.

— Вот здесь.

Каэль подошёл ближе.

— Боковая стойка?

— Ниже.

Он присел. Элиана тоже. У основания металлической балки камень раскололся, и опора ушла внутрь примерно на два пальца.

— Из-за этого раму тянет в сторону, — сказала она. — Если закрепить верх, давление останется. Просто треснет другое стекло.

Каэль провёл пальцами по металлу. Посмотрел вверх. Потом на Элиану.

— Вы правы.

Оррис хмыкнул.

— Хозяйка смотрит туда, куда драконы не смотрят.

— Вниз? — спросил Каэль.

— Именно.

— Очень содержательно.

— Я старый. Мне можно.

Элиана улыбнулась.

— Почему вы вообще спорили, если не посмотрели на основание?

Каэль поднялся.

— Потому что я могу удержать верхнюю раму.

— А основание?

— Не могу.

— Вот и ответ.

Он неожиданно усмехнулся.

— Вы всегда так разговаривали с Арманом?

Вопрос возник слишком легко. И сразу сделал воздух другим. Элиана опустила взгляд на расколотый камень.

— Нет.

Каэль перестал улыбаться.

— Почему?

Она могла бы сказать: потому что Арман не спрашивал. Потому что если она замечала ошибку, сначала искала способ подать мысль так, чтобы она казалась его. Потому что однажды на первом году брака поправила расчёт расходов при управляющих, а вечером Арман спокойно объяснил, что жена не должна создавать впечатление, будто глава дома чего-то не знает. Он не кричал.

Никогда не кричал. Просто после этого Элиана научилась говорить:

«Вы наверняка уже заметили...»

«Возможно, вам будет интересно...»

«Я могла ошибиться, но...»

— Не привыкла.

Он хотел что-то сказать. Элиана подняла палец.

— Не надо.

— Я ещё ничего не сказал.

— Именно. Сохраните хорошую привычку.

Оррис фыркнул. Каэль взял молоток.

— С удовольствием.

Но через несколько минут Элиана заметила: когда они начали укреплять основание, он ни разу не предложил ей отойти. Вместо этого спросил:

— Держать здесь?

Она проверила положение скобы.

— Чуть левее.

Он передвинул.

— Так?

— Да.

Каэль ударил молотком. Первый раз слишком сильно. Камень осыпался. Оррис громко застонал.

— Драконы.

— Что?

— Ничего вы не умеете делать без попытки победить.

— Я умею.

— Ты только что напал на стену.

Элиана закрыла рот рукой. Слишком поздно. Смех вырвался. Каэль медленно повернулся к ней с молотком в руке.

— Вам весело?

— Немного.

— Хотите попробовать?

— Да.

Он протянул ей молоток. Элиана взяла. Тяжёлый. Она ударила по скобе.

Металл едва вошёл. Каэль поднял бровь.

— Прекрасно.

— Молчите.

Второй удар получился лучше. Третий — почти правильным.

— Ещё немного левее, — сказал Каэль.

— Не командуйте.

— Советую.

— Тогда можно.

Оррис сел на перевёрнутое ведро.

— Я прожил достаточно.

— Почему? — спросила Элиана.

— Только что увидел, как Рейнар просит разрешения советовать.

Каэль бросил в него тряпкой. Оррис увернулся. Тряпка упала в снег. На несколько секунд все трое молчали.

Потом Элиана снова рассмеялась. И на этот раз Каэль тоже. Негромко. Глубокий звук, совсем не похожий на его вчерашний голос за воротами.

Элиана задержала на нём взгляд. Слишком долго. Потому что вспомнила портрет. Молодой мужчина в родовой галерее.

Тот же смех. До изгнания. Каэль первым перестал улыбаться. Не резко.

Словно увидел в её лице воспоминание.

— Вы видели портрет.

Это не было вопросом. Элиана положила молоток.

— Один раз.

— Где?

— В западной галерее дворца.

— Его сняли давно.

— После того, как я спросила Армана, кто на нём изображён.

Каэль опустил взгляд.

— Похоже на него.

— Что?

— Снять лицо вместо того, чтобы объяснить историю.

Он наклонился за скобой. Элиана не стала спрашивать дальше. Не потому, что не хотела знать. Потому что впервые почувствовала разницу между тайной, которую у неё отнимают, и историей, которую человек имеет право рассказать сам.

Каэль поднялся.

— Спасибо.

Она нахмурилась.

— За что?

— За то, что не спросили.

— Я спрошу позже.

Уголок его рта дёрнулся.

— Разумеется.

После ремонта рам они занялись деревянными табличками. Элиана нашла их ещё вчера в коридоре: десятки небольших дощечек, когда-то закреплённых возле растений. Оррис принёс щётку.

— Аккуратно.

— Они настолько хрупкие?

— Некоторые.

Элиана очистила первую.

«Серебряная роза».

Подняла глаза на клумбу.

— Это наши?

— Если вы про белые цветы у входа — да.

Следующая табличка:

«Северный мирт».

Ещё одна:

«Лунная груша».

Элиана посмотрела на мёртвое дерево возле колодца.

— Та самая?

Оррис кивнул.

— Когда цвела, светила ночью.

— А плоды?

— Отвратительные.

Каэль, державший стопку очищенных дощечек, посмотрел на него.

— Ты мне говорил, что они редкие.

— Редкое не значит вкусное.

Элиана взяла следующую.

«Стеклянная лоза».

Потом:

«Белый шип первой воды».

— Что это?

Оррис нахмурился.

— Растение у северного фонтана. Было.

Следующая табличка оказалась пустой. Элиана провела пальцем. На дереве не было следа краски.

— Надпись стёрлась?

Оррис посмотрел. Лицо его изменилось.

— Нет.

Каэль подошёл ближе.

— Замолчала?

— Похоже.

Элиана подняла вторую пустую табличку. Потом третью.

— Что значит «замолчала»?

Оррис взял одну у неё из рук.

— В этом саду имена имели значение. Когда растение умирало окончательно, иногда исчезало и имя.

— Само?

— Да.

Элиана посмотрела на пустое дерево. Ещё вчера подобный ответ заставил бы её задавать десять вопросов. Сегодня она почему-то просто поверила.

— Если растение вернётся?

— Возможно, вернётся имя.

— А если нет?

Оррис пожал плечами.

— Придумаете новое.

— Можно?

— Вы хозяйка.

Она хотела возразить против слова. Не стала. Днём оно звучало иначе. Утром «хозяйка» всё ещё казалась чужим титулом, почти ещё одной вещью, которую кто-то пытается надеть ей на плечи.

Сейчас перед ней лежали грязные таблички. Треснутая рама. Куча снега, которую следовало вынести. Дров на пять дней.

Почти пустая кладовая. Если это и была власть, то очень странная. Она пахла мокрым деревом и требовала работать. Такой власти Элиана не боялась.

— Тогда сначала попробуем вернуть старые, — сказала она. — Новые названия успеем придумать.

Оррис кивнул.

— Правильно.

— Почему?

— Потому что если дать женщине право называть всё в первый день, к вечеру половина сада будет носить имена людей, которых она ненавидит.

Элиана посмотрела на пустую табличку.

— «Колючий Арман».

Каэль кашлянул.

— «Ядовитый Грейн», — добавил Оррис.

— Нет, — сказал Каэль. — Это слишком очевидно.

Элиана повернулась к нему.

— А ваш вариант?

Он задумался.

— «Рейнар обыкновенный. Не приживается без чужой земли».

Тишина длилась секунду. Потом Оррис хлопнул ладонью по столу. Элиана смеялась так сильно, что пришлось опереться на полку.

— Это ужасно.

— Вы спросили.

— Я жалею.

— Поздно.

Она вытерла уголок глаза. И заметила, что серебряный знак под тканью стал тёплым. Не тревожно. Как будто сад тоже услышал.

С ближайшей клумбы донёлся лёгкий шелест. Все трое повернулись. На чёрной ветке, где утром была только серебристая почка, разворачивался лист. Маленький.

Тонкий. Сначала почти прозрачный. Потом цвет стал глубже — не зелёным, а серебристо-серым, с голубоватой жилкой в середине. Элиана перестала смеяться.

Подошла ближе. Ещё один лист раскрылся рядом. Потом третий. Не чудо одного цветка. Сад действительно возвращался. Она протянула руку, но остановилась, не касаясь.

— Можно?

— Спросите не меня.

Элиана чуть смутилась. Каэль ничего не сказал. Она посмотрела на ветку.

— Можно?

Лист шевельнулся. Смешно. Совершенно нелепо. Но Элиана всё-таки осторожно коснулась его кончиком пальца.

Тёплый. Живой. По коже прошла слабая дрожь. Не магический удар.

Скорее узнавание. Вокруг них начали шелестеть другие ветви. Медленно. Одна за другой.

Чёрные почки раскрывались. Появлялись листья. Где-то у фонтана поднялась ещё одна белая роза. Оррис стоял рядом совершенно неподвижно.

Она повернулась к нему. Глаза старика блестели. Он быстро отвернулся.

— Оррис?

— Ветер.

— Под куполом?

— Очень местный.

Она не стала улыбаться. Пусть. Каждый имел право на свои способы не плакать.

— Сколько лет? — спросила Элиана.

Старик всё ещё смотрел в сторону.

— Двадцать.

— Вы всё это время оставались здесь?

— Да.

— И ни одного листа?

— Ни одного.

Теперь Элиана поняла. Для неё сад ожил вчера. Для Орриса закончились двадцать лет похорон. Она подошла ближе.

Не обняла. Почему-то чувствовала, что старик скорее сбежит в снег. Просто встала рядом. Через несколько секунд Оррис сам сказал:

— Эта клумба раньше цвела первой.

— Какая?

— Вот эта. Серебряные розы. Потом шёл мирт. А к концу зимы просыпалась груша.

— Даже если зима ещё не закончилась?

— Сад никогда особенно не уважал календарь.

— Это мы уже заметили.

Оррис наконец посмотрел на неё.

— Хорошо, что вы пришли зимой.

— Почему?

— Весной всё выглядит возможным. Зимой сразу видно, что действительно хочет жить.

Элиана хотела сказать, что опять начал говорить загадками. Но не сказала. Эта фраза ему полагалась.

К середине дня Элиана обнаружила ещё одну проблему. Деньги. И очень быстро — вторую. Еду.

Она сидела за кухонным столом с найденной тетрадью и составляла список. Дрова. Мука. Соль.

Масло. Свечи. Ткань для закрытия разбитых окон. Стекло.

Гвозди. Верёвки. Инструменты. Два новых ведра.

Оррис заглянул через плечо.

— Одно ведро.

— Два.

— Зачем?

— Одно для воды. Второе для работ.

— Старое ещё живо.

— В старом дыра.

— Маленькая.

— Вы двадцать лет носили воду в дырявом ведре?

— Если идти быстро, не вся вытекает.

Каэль, сидевший у окна, тихо сказал:

— Теперь мне понятна причина состояния сада.

Оррис показал ему нож.

— Я всё ещё могу закончить твоё изгнание окончательно.

Элиана записала:

«Два ведра».

Подчеркнула.

— Что ещё?

Оррис тяжело вздохнул.

— Хозяйка с бюджетом. Вот теперь сад действительно пропал.

— Сколько денег у нас есть?

Тишина.

Элиана подняла взгляд.

— Я так и думала.

У неё оставались драгоценности. Те, что принадлежали ей до брака, вернут вместе с вещами. Несколько украшений Северинов. Жемчуг матери.

Серьги с сапфирами. Браслет, который она никогда не любила. Продать можно многое. От мысли не стало больно.

Это удивило. Раньше драгоценности казались страховкой последнего достоинства рода. Теперь Элиана смотрела на треснутое окно.

— Продам сапфиры.

Каэль нахмурился.

— Не спешите.

— Почему?

— Они ваши.

— Именно поэтому могу продать.

— Я могу принести деньги.

Элиана медленно повернула голову. Каэль понял раньше, чем она открыла рот.

— Нет.

— Хорошо.

Она моргнула.

— И всё?

— Вы сказали нет.

Оррис поднял глаза от ножа.

— Парень обучается подозрительно быстро.

Каэль проигнорировал.

— Но могу предложить другое.

— Какое?

— Я знаю торговца стеклом на северной дороге. Он должен мне услугу.

— Это всё равно деньги.

— Нет, долг. Мой.

— Значит, в итоге платить всё-таки будете вы.

Каэль задумался.

— Тогда познакомлю вас. Торговаться будете сами.

Элиана немного подумала.

— Это принимается.

— Великодушно.

— Не привыкайте.

Он улыбнулся. На этот раз Элиана не отвернулась сразу. Ей нравилось, как менялось его лицо. Слишком суровые черты становились моложе.

Живее. И ещё она вдруг заметила маленький белый шрам возле нижней губы. Раньше не видела. Почему сейчас?

Элиана опустила взгляд к тетради.

— Стекло, — сказала она слишком деловым голосом. — После еды.

Каэль ничего не ответил. Но ей показалось, что он понял. Это раздражало.

После полудня сад стал теплее. Не по-настоящему тепло. Снег всё ещё лежал в клумбах. Из рта под куполом всё ещё шёл пар.

Но там, где появились серебряные листья, воздух менялся. Элиана сняла шерстяную накидку. Оставила её на каменной скамье. Потом закатала рукава.

Заплата на локте стала виднее. Каэль принёс длинную доску для правой галереи.

— Держите край?

— Да.

Элиана взялась.

— Не так.

Она посмотрела на него. Он замер.

— Простите. Можно немного выше?

— Можно.

Она подняла.

— Ещё.

— Вы испытываете удачу.

— Совсем немного.

Они поставили доску между двумя опорами. Каэль оказался ближе, чем обычно. Элиана почувствовала тепло его тела ещё до того, как подняла глаза. Не драконье пламя.

Просто человеческое тепло мужчины, работавшего последние несколько часов без плаща. На виске Каэля появилась тёмная влажная прядь. Он был сосредоточен на креплении. Элиана почему-то смотрела на его руки.

Потом на плечи. Затем заметила, что делает это. И немедленно посмотрела на доску.

— Криво.

Каэль нахмурился.

— Где?

— Что?

— Вы сказали «криво».

— Доска.

Он отошёл на шаг. Посмотрел.

— Она ровная.

Нагреваются щёки.

— Тогда оставим.

Каэль взглянул на неё. Секунда. Вторая. Он явно хотел что-то сказать.

К счастью, появился Оррис.

— Если закончили любоваться строительными достижениями друг друга, у фонтана случилось кое-что интереснее.

Элиана схватила накидку.

— Что?

— Вода.

Они пошли к центральной галерее. Лёд в фонтане раскололся. На этот раз не тонкой трещиной. В центре появилась небольшая тёмная полынья.

По краям лёд медленно таял. Из глубины поднимался слабый серебряный свет. Каменная женщина над чашей по-прежнему стояла с закрытыми глазами. Но ветвь в её руках изменилась.

Элиана остановилась. Вчера все цветы на ней были каменными. Теперь на самом конце ветви появился живой бутон. Белый.

Настоящий.

— Этого раньше не было?

Оррис покачал головой. Каэль подошёл ближе к фонтану.

— Не трогайте воду.

— Это совет?

Он сжал губы.

— Да.

— Тогда принимается.

Оррис усмехнулся. Каэль наклонился над чашей.

— Здесь что-то движется.

Элиана увидела тоже. Под водой серебряные огни собирались в линию. Медленно. Словно рисовали что-то на глубине.

Излом. Круг. Ещё одна линия. Элиана наклонилась.

— Похоже на карту.

Оррис мгновенно перестал улыбаться.

— Отойдите.

— Почему?

— Потому что сад ещё не показывал карты.

— Никогда?

— Мне — нет.

Каэль выпрямился.

— Западная галерея.

Элиана проследила за линиями. Они действительно указывали в сторону тёмного прохода. Туда, где ночью появились люди Армана. Туда, где когда-то хранились книги.

— Значит, завтра, — сказала она.

— Мы договорились, что сначала я объясню опасность.

— Объясните вечером.

— Вы точно решили идти?

— Нет.

Он явно удивился. Элиана улыбнулась.

— Но я решила решить сама.
Каэль покачал головой.
— Это ужасная формулировка.
— Зато точная.
Свет под водой погас. Полынья осталась. Оррис некоторое время смотрел туда.
— Оно торопится.
— Что? — спросила Элиана.
— Пробуждение.
— Это плохо?
Старик почесал бороду.
— Не знаю.
— Вы часто это говорите.
— Потому что раньше сад просыпался весной. Постепенно. Сначала почки, через несколько дней листья, потом вода.
Он посмотрел вокруг. Белые розы. Серебряная листва. Растаявший снег возле дорожки. Живой бутон на каменной ветви.
— А сейчас он пытается вспомнить двадцать лет за один день.
Веселье последних часов немного отступило.
— Из-за меня?
— Вместе с вами.
Ответ ей понравился больше.
— Можно замедлить?
Оррис пожал плечами.
— Можно не заставлять.
Элиана вспомнила надпись. **Не владей. Услышь.**
— Тогда пусть решает сам.
Рядом Каэль посмотрел на неё странно.
— Что?
— Ничего.
— Нет, говорите.
Он помедлил.
— Я однажды сказал почти противоположное.
— Саду?
— Да.
— Что именно?
Каэль отвернулся к фонтану.
— Что у него больше нет времени решать.
Оррис стал неподвижен. Элиана поняла: это часть той истории. Изгнание. Книги.
Сад. Каэль продолжил сам:
— Мне было двадцать три. Я нашёл часть старых записей и решил, что достаточно знать правду, чтобы иметь право требовать ответа.
— Что вы сделали?
— Пришёл сюда.
Оррис закрыл глаза. Её внимание вернулось к нему.
— Вы его впустили?
— Нет.
— Почему?
Старик долго молчал. Потом произнёс:
— Испугался.

Это слово удивило сильнее загадки. Оррис не прятался за философией. Не говорил, что время было неподходящим. Просто:

Испугался.

— Чего?

— Его.

Каэль усмехнулся без веселья.

— Разумно.

Оррис посмотрел на него.

— Ты был молодым драконом с доказательствами в руках и яростью вместо головы. Хотел исправить всё одним ударом.

— Я и сейчас временами такой.

— Я заметил.

Элиана тоже. Вчера у колонны. На её руке. В каждом первом «нет», которое Каэль говорил вместо неё.

— Что было бы, если бы вы его впустили? — спросила она.

Оррис посмотрел на западную галерею.

— Арман пошёл бы следом.

— Уже тогда?

— Он всегда шёл следом за тем, что Каэль пытался от него спрятать.

Каэль отвернулся.

— И если бы Арман вошёл...

— Сад был почти мёртв. Я бы не удержал его.

Элиана задумалась.

— Поэтому вы молчали двадцать лет.

— Не поэтому одному.

— А почему ещё?

Оррис устало улыбнулся.

— Вы действительно решили разобрать всю мою жизнь за один день?

— Нет.

Она посмотрела на дорогу, которую они расчистили. На закреплённую арку. На живые листья.

— Сегодня у нас ещё много работы.

Оррис моргнул. Потом рассмеялся.

— Вот теперь вы точно хозяйка.

Странно, но к середине дня Зимний сад перестал казаться Элиане чужим. Не стал своим полностью. Для этого было рано. Но она уже знала, где скрипит третья ступень дома.

Где возле фонтана камень выступает так, что за него цепляется носок. В какой полке Оррис прячет хороший нож. Что Каэль, несмотря на способность превращаться в дракона, совершенно не умеет аккуратно забивать маленькие гвозди. Что в северной галерее снег лежит мягче.

Что белые розы закрываются, если рядом слишком громко спорят. И что серебряные листья поворачиваются за Элианой, когда она проходит мимо. Это всё ещё пугало. Но уже не так.

Она несла ведро с растаявшим снегом к правой галерее, когда остановилась.

— Оррис.

Старик поднял голову.

— Что?

— Тишина.

Он тоже замер. Каэль отложил доску. Сначала ничего не было. Потом донёлся звук. Копыта. С дороги. Ровный ритм. Несколько лошадей.

Не ночные люди, которые старались двигаться незаметно. Эти не скрывались. Каэль подошёл к арке и посмотрел через стекло. Лицо его стало жёстким.

— Он пришёл.

Живот сжался. Вот и всё. Несколько спокойных часов закончились. Она поставила ведро. Вода выплеснулась на край.

— Сколько людей?

— Четверо всадников. Карета.

— Грейн?

Каэль всмотрелся.

— Да.

Оррис снял рабочие перчатки.

— В дом.

— Нет.

— Госпожа...

— Мы же сегодня хорошо начали.

Оррис закрыл рот. Каэль шагнул ближе.

— Арман приехал не как бывший муж.

— Я знаю.

— Он не знает, что вы умеете делать со знаком.

— Я тоже.

— Именно.

Элиана встретила его взгляд.

— Каэль.

Он ждал.

— Я не буду встречать Армана, стоя за вашей спиной.

Вчера на такую фразу последовал бы спор. Она увидела, как он напрягся. Как захотел сказать «это неразумно». Как взгляд на секунду ушёл к воротам.

Потом Каэль сделал вдох.

— Где вы хотите, чтобы я стоял?

Вопрос настолько точно попал в неё, что Элиана на секунду не ответила.

— Рядом.

— Справа?

Она почти улыбнулась.

— Слева. Справа розы.

— Хорошо.

Оррис посмотрел на них обоих.

— Что?

— Ничего.

— Оррис.

— Я просто рад, что хоть кто-то в этом доме учится быстрее стен.

Они пошли к воротам. С каждым шагом Элиана чувствовала, как меняется сад. Розы закрывались наполовину. Серебряные листья поворачивались к входу.

Под землёй проходила едва заметная вибрация. Не паника. Внимание. У ворот Элиана остановилась.

Каэль встал слева. Не впереди. И это было настолько маленькой вещью, что никто другой не заметил бы. Элиана заметила.

Снаружи остановились лошади. Короткая команда. Шаги. Потом голос Армана:

— Откройте.

Сад не отреагировал. Элиана почувствовала почти детское удовлетворение. Арман постучал один раз.

— Элиана.

Она посмотрела на ворота.

— Открыть?

Оррис удивлённо поднял брови.

— Вы спрашиваете меня?

— Нет.

Она положила ладонь на железо.

— Спрашиваю их.

Металл под пальцами дрогнул. Ворота начали расходиться. Очень медленно. Не так, как открылись перед Элианой.

Створки скрипели, сопротивлялись, останавливались, снова двигались. Оррис тихо сказал:

— Он ему не рад.

Каэль ответил:

— Взаимно.

На пороге появился Арман Рейнар. Без парадного камзола. В тёмном дорожном плаще. Снег лежал на светлых волосах и таял.

За ним стояли четверо всадников с серебряными крыльями на плечах. У кареты — Севар Грейн. Элиана сразу увидела папку в его руках. Управитель смотрел не на неё.

На сад. На восстановленную дорожку. На листья. На рамы.

Считал. Запоминал. Арман сначала увидел Элиану. Потом Каэля.

И остановился. Только на долю секунды. Другой человек, возможно, ничего бы не заметил. Элиана прожила с ним три года.

Удар был сильным. Арман просто умел не показывать синяков.

— Каэль.

— Арман.

Никаких «брат». Никаких титулов. Просто имена. Арман снова посмотрел на Элиану.

Его взгляд задержался на зелёном платье. На закатанных рукавах. На грязи у подола. На ленте вокруг запястья.

Вот там он остановился дольше. Элиана не пошевелилась.

— Вижу, слухи не солгали.

— Если вы о том, что я пережила ночь, то нет.

Один из всадников опустил голову. Возможно, скрывая реакцию. Арман не отвёл глаз.

— Я приехал исправить ошибку.

— Вашу?

— Совета.

— Любопытно. Вчера решение вас устраивало.

— Вчера у Совета не было полной информации.

— А сегодня она появилась?

Грейн чуть изменил положение папки. Элиана заметила. Вот где информация. Арман сделал шаг.

Розовые кусты вдоль дорожки одновременно шевельнулись. Он остановился. Не испуганно. Скорее оценил расстояние.

Потом пошёл дальше. Каэль напрягся рядом. Элиана почувствовала, но не посмотрела.

— Совет передал тебе владение, исходя из предположения, что оно не обладает активной родовой силой, — сказал Арман. — Обстоятельства изменились.

— За ночь?

— Очевидно.

— И теперь вы хотите что?

Он посмотрел на белые розы. На серебряные листья. На тёмную воду в фонтане. Вчера на Совете Арман говорил о саде как о бесполезной развалине.

Сейчас его глаза работали иначе. Элиана знала этот взгляд. Так он смотрел на карту спорной территории. На новый торговый путь.

На предложение, в котором внезапно обнаруживалась прибыль. Не красота. Возможность. Её затошнило.

Совсем немного.

— Дом Рейнаров обязан взять сад под временную защиту, пока Совет не установит характер пробуждения.

— Защиту?

— Да.

Элиана вспомнила брачный перстень.

«Мой дом станет твоим домом».

Вспомнила возвращение в город, которое он предлагал как защиту. В его языке всё опасное со временем получало хорошие названия.

— Что означает «взять под защиту»?

Арман чуть прищурился. Раньше Элиана не задавала второй вопрос, если первый ответ её не устраивал. Он заметил перемену.

— Стража разместится у ворот. Грейн проведёт осмотр. Маги рода проверят почву, корневую систему и центральное строение. До решения Совета ты покинешь владение.

— Куда?

— Я подготовил городской дом.

Элиана почти рассмеялась. Вот она. Вчерашняя запасная сцена. Просто с опозданием на день.

— Как предусмотрительно.

— Элиана.

— Что?

На мгновение перед ней оказался прежний Арман. Не публичный. Тот, который говорил её имя низким голосом в кабинете, когда хотел закончить разговор. Тело вспомнило раньше разума.

Плечи напряглись. Дыхание стало мельче. Элиана ненавидела себя за это.

Нет.

Не себя. Привычку. Три года — достаточно долго, чтобы голос другого человека поселился в мышцах. Она заставила плечи опуститься.

Арман увидел. Что именно — непонятно. Но увидел.

— Это разумное решение, — сказал он мягче. — Здесь небезопасно.

— Для кого?

— Для тебя.

— Вчера это вас не беспокоило.

— Вчера сад был мёртв.

Каэль рядом тихо вдохнул. Элиана повернулась к Арману.

— Вот теперь честно.

Он нахмурился.

— Что?

— Вчера я могла замёрзнуть в мёртвом саду, и это было приемлемо. Сегодня сад ожил — и вдруг вы вспомнили о моей безопасности.

— Не искажай.

— Тогда объясните иначе.

Арман молчал. Несколько секунд. Раньше Элиана заполнила бы тишину сама. Смягчила. Улыбнулась. Помогла ему выбрать слова. Теперь ждала. Первым заговорил Грейн:

— Леди Северин, речь идёт не о личных отношениях. Пробуждение неизвестной магической силы в пределах столицы подпадает под право родового контроля...

— Я разговариваю с лордом Рейнаром.

Грейн замолчал. Арман едва заметно дёрнул уголком губ. Не улыбка. Скорее удивление.

— Ты стала резче.

— У меня был насыщенный день.

— Прошли сутки.

— Именно.

Каэль за её плечом тихо кашлянул. Элиана не посмотрела. Арман посмотрел.

— Я вижу, ты быстро нашла советника.

Вот оно. Первый настоящий удар. Не сад. Не закон.

Каэль. Воздух рядом стал холоднее. Каэль мог ответить. Она знала.

И он, очевидно, хотел. Но промолчал. Оставил ей. Элиана повернулась к бывшему мужу.

— Я нашла человека, который предупредил меня о ваших людях у западной стены.

Грейн чуть побледнел. Арман даже не взглянул на него.

— Моих людях?

— Они называли себя людьми дома Рейнаров.

— Любой может назвать себя кем угодно.

— Один из них носил внутреннюю печать.

Тишина.

Теперь Арман посмотрел на Грейна. Очень быстро. Но достаточно. Элиана увидела.

Каэль тоже.

— Я разберусь, — сказал Арман.

Как легко. Как привычно. Сначала происходило что-то дурное. Потом он обещал разобраться.

И вокруг этого обещания всегда образовывалась такая удобная пустота, в которую исчезали вопросы.

— Прекрасно. Когда разберётесь, пришлите мне имена.

— Тебе?

— Они вторглись в мой дом.

Арман посмотрел вокруг.

— Ты действительно уже называешь это домом?

В его голосе впервые прозвучало что-то личное. Не насмешка. И это оказалось опаснее. Внутри что-то сжалось.

Он помнил. Наверное, тоже помнил слова у алтаря.

«Мой дом станет твоим».

Она посмотрела на зелёное платье. На грязные руки. На починенную раму за спиной. На Орриса у фонтана.

— Да.

Арман долго молчал.

— После одной ночи?

— Иногда одной достаточно.

На его лице появилась та самая почти незаметная трещина. Боль? Раздражение? Элиана не могла определить.

Впервые не стала пытаться.

— Твои вещи ещё даже не доставили.

— Дом — не сундуки.

— И не цветы.

— Согласна.

Она положила ладонь на ближайшую ветвь. Шипы не кололи. Стебель чуть прогнулся под пальцами. Арман увидел.

— Ты не понимаешь, чем владеешь.

Элиана посмотрела на него. Потом на надпись у фонтана. **Не владей. Услышь.**

— Возможно.

Арман будто ждал продолжения.

— Но я уже понимаю, что сад не хочет принадлежать вам.

Всадники за воротами переглянулись. Грейн шагнул вперёд.

— Это опасное заявление.

— Почему?

— Потому что владения не имеют воли.

Белая роза рядом с его сапогом раскрылась. Грейн отступил. Совсем немного. Элиана посмотрела вниз.

Потом снова на него.

— Кажется, у сада другое мнение.

Оррис кашлянул в кулак. Каэль отвернулся, но она увидела улыбку. Арман — нет. Он смотрел на ветви.

На трещины купола. На временные доски. На снег, который всё ещё лежал в половине клумб. И Элиана вдруг поняла.

Он увидел слабость. Сад ожил. Но не восстановился. Стекло разбито.

Ограждение старое. Денег нет. Оррис один. Каэль изгнан.

А Элиана ещё вчера не знала, где здесь колодец. Арман смотрел на всё это так же, как на плохо укреплённую границу. Именно сейчас он решил, что может взять сад.

— Я требую вернуть Зимний сад дому Рейнаров, — сказал он.

Не просил. Не предлагал. Вот теперь всё стало просто. Элиана почувствовала страх.

Настоящий. Потому что за Арманом стояли люди. Совет. Деньги.

Драконья сила. Законы, написанные такими, как он. У неё были три человека, дырявое ведро и несколько цветущих кустов. Если бы мир был справедливым, этого было бы смешно мало.

Но мир никогда не был справедливым. Значит, придётся работать с тем, что есть. Элиана подняла глаза на бывшего мужа.

— Нет.

Арман не шелохнулся. Она уже говорила ему это слово. В Совете. Когда он предлагал дом.

Сегодня оно ощущалось иначе. Тогда «нет» было дверью, которую она захлопывала. Теперь — землёй, на которую вставала.

— Элиана.

— Вы слышали.

— Я не прошу.

— Я тоже.

Он сделал шаг. Ветвь под ладонью Элианы напряглась. Каэль сместился ближе. Не вперёд.

Рядом. Арман заметил. Его глаза потемнели.

— Ты думаешь, он защитит тебя?

Элиана повернулась к Каэлю. Тот не ответил за неё. Просто стоял. Она повернулась обратно.

— Нет.

Арман будто не ожидал.

— Тогда на что ты рассчитываешь?

Элиана оглянулась. На Орриса. На починенную сегодня раму. На ведро, которое всё ещё стояло посреди дорожки.

На грязный молоток. На белые цветы. Очень странная армия. Она улыбнулась.

— Пока — на два новых ведра.

Каэль издал звук, подозрительно похожий на подавленный смех. Даже один из всадников моргнул. Арман смотрел на неё так, словно не понял языка. Возможно, это было хорошо.

Элиана провела пальцами по ветви.

— А потом посмотрим.

Арман шагнул ещё ближе.

— Ты превратила это в шутку.

— Нет. Я пытаюсь объяснить вам вещь, которую сама поняла только сегодня.

Она показала на рамы.

— Этот сад не оживает от приказов.

На дорожку.

— Не чинится от титула.

На розы.

— И, похоже, совершенно не впечатлён фамилией Рейнар.

Грейн холодно произнёс:

— Осторожнее, леди Северин.

Элиана повернула голову.

— Вы тоже.

Он побледнел. Арман поднял руку, останавливая его.

— Последний раз. Ты покидаешь сад добровольно. Стража принимает владение под защиту до заседания Совета.

Серебряный знак под лентой стал горячим. Ветвь под рукой дрогнула. Элиана не смотрела на неё. Только на Армана.

Человека, который вчера сообщил всему Совету, что она недостаточно полезна его дому. Человека, который позволил Мирене смеяться. Человека, который подарил ей мёртвое место, будучи уверен, что она вернётся просить. А сегодня приехал забрать его обратно.

Потому что оно оказалось живым.

— Нет, — повторила Элиана.

В этот раз ответил сад. Первый цветок раскрылся у её ладони. За ним второй. Третий.

Серебряный шелест прошёл вдоль клумбы. Белые розы начали распускаться одна за другой. Не мгновенно. Волной.

От Элианы к фонтану. От фонтана к аркам. По обе стороны очищенной дорожки вспыхивали белые лепестки. Всадники попятились.

Грейн поднял голову. Каэль застыл. Арман смотрел. По железным опорам купола побежал тонкий серебряный свет.

Коснулся первой восстановленной рамы. Задержался на скобе, которую утром забивала Элиана. Пошёл дальше. Туда, где стекло было треснутым.

Где доски держали металл. Где за один день трое упрямых людей успели сделать ничтожно мало. И всё-таки сделали. Свет поднялся к самому куполу.

Снег наверху вспыхнул серебром. На несколько секунд весь Зимний сад стал похож на огромный фонарь среди белого города. Оррис закрыл лицо рукой. Каэль смотрел вверх.

У Армана впервые не нашлось мгновенного ответа. Под её ладонью раскрылся ещё один цветок. Двадцать лет здесь не цвело ничего. Сегодня сад выбрал ответить на одно слово.

Нет.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.